

Война после войны

Н. Н. Яковлев*

Эпохальный и сурово величественный год 1947-й в истории нашей Отчизны. В тот год были залечены первые раны, оставленные войной на теле Родины, — по осени уровень промышленного производства достиг довоенного. За сухими и точными строчками ЦСУ крылся гигантский труд народа по восстановлению сметенного и разрушенного войной на западе традиционной территории России, где и разыгрались исполинские сражения Великой Отечественной.

На пепелищах городов и сел, заводов и фабрик возрождалась мирная жизнь, которую строили вчерашние солдаты. Рабочими спецовками стали шинели, ватники, гимнастерки, списанные как б/у рачительными старшинами. Их, пропитанные порохом и хранившие пыль Европы, донашивала армия строителей-созидателей. Жить было трудно, проблемы, стоявшие перед страной, были гигантскими. Иного не было дано, собственными и только собственными силами прочно поставить на ноги государство, чтобы уверенно смотреть в будущее. Быстрее вернуть нормальную жизнь народу-герою, вынесшему на своих плечах тяжелейшую войну в истории.

Советские люди заслужили, завоевали право на резкий подъем жизненного уровня, наконец, отдых после сокрушительных тягот войны. Хотя делалось все возможное, работы оставался край непочатый. Дело было не только в наследии войны, напоминавшей о себе на каждом шагу. Ресурсы страны и после победы отвлекали военные, теперь именовавшиеся оборонными, нужды. Они властно напоминали о себе, когда еще не смолкли орудия Красной Армии. Вспышки ярче миллиона солнц — атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки — сурово предостерегли все человечество, на что способен вооруженный по последнему слову науки империализм. Пришлось уже

на рубеже войны и мира изыскивать и бросать громадные средства на создание новых дорогостоящих систем вооружения, в первую очередь атомного. А на счету был каждый рубль! Это не могло не затронуть жизнь всех советских людей, неизбежно сказывалось во всем и на всех.

В 1947 году генерал-полковник Е.И. Смирнов, возглавлявший медицинскую службу Вооруженных Сил в войну, как и многие, сменил военный мундир на штатский костюм. Ему, великоллепному организатору гигантского дела в годы вооруженной борьбы, теперь был доверен пост министра здравоохранения СССР. Он принес в министерство свой богатый опыт — ни одна армия в мире не имела столь высокого процента бойцов, возвращавшихся в строй по излечению от ран, страна не знала в самое суровое время инфекционных заболеваний. Представитель гуманной профессии, Е.И. Смирнов со свойственной ему энергией взялся за постановку послевоенного здравоохранения. Он объезжал разоренные области и был потрясен. В Донбассе, в Макеевке, в больнице не могли предложить больным иной посуды, кроме консервных банок. Эти самые банки с загнутыми краями в руках больных были перед мысленным взором министра, когда он докладывал о первоочередных нуждах здравоохранения правительству. Нужны деньги. Их отпускали, но далеко не в нужных размерах. Министр бушевал, доказывал очевидное, но без большого успеха. И.В. Сталин, признав его заботу, безусловно, законной, указал: Смирнову, по должности знавшему о разработке атомного оружия, не подобало не понимать, куда идут средства.

Удовлетворение многих и очень многих кричащих нужд откладывалось. Но другого выхода не было. Над советским народом, спасшим цивилизацию и себя, снова нависла смертельная угроза.

* Н. Н. Яковлев — доктор исторических наук.
Глава из книги «ЦРУ против СССР».

***

Тогда в мире была единственная страна, располагавшая избыточными ресурсами, — Соединенные Штаты. Они не пострадали, а, напротив, расцвели в те годы, когда на полях сражений решались судьбы человечества. Мы находились в войне в одном строю, однако наш и американский вклады в нее оказались различными. На американской земле не разорвалось ни одного снаряда, ни один дом не был разрушен. Мы потеряли 20 миллионов бесконечно дорогих жизней, американцы — 400 тысяч человек. На каждых 50 погибших советских людей приходился один американец. В своих работах, относящихся к истории Второй мировой войны, я неоднократно прибегал к этому сравнению. Некоторые заокеанские историки, отнюдь не разделяющие наших взглядов, тем не менее не могут не признать справедливости этого сопоставления, хотя, разумеется, с не очень большой охотой. Американский историк профессор Д. Гэддис в книге «Россия, Советский Союз и Соединенные Штаты. Опыт интерпретации» (1978), сославшись на одну из моих работ, заметил: «Автор хотя и подчеркнуто, но точно указал — на каждого американца, убитого в войне, приходилось пятьдесят умерших русских»¹.

Совершенно различными оказались материальные потери. Война унесла треть нашего национального богатства. Вспомним: такую же долю национального богатства потеряла наша Родина в результате Первой мировой войны и последовавшей за ней гражданской войны. В цифрах утраченное нами в 1941–1945 годах выглядит следующим образом. По тогдашнему курсу война обошлась СССР в 485 миллиардов долларов (учитывая стоимость разрушенного). Военные расходы США на Вторую мировую войну — 330 миллиардов долларов. США оказывали противникам держав «оси» помощь по ленд-лизу, истратив на это 43,6 миллиарда долларов. Поставки по ленд-лизу Советскому Союзу составили около 10 миллиардов долларов, или примерно 3,5 процента от общих военных расходов США в годы Второй мировой войны. Вот эту цифру — 3,5 процента, точно отражающую вклад Соединенных Штатов в исполинские сражения на основном фронте борьбы против Германии и ее союзников, нужно всегда помнить, когда мы мысленно возвращаемся к боевому сотрудничеству наших стран в те годы.

В первые послевоенные годы Советский Союз посетило немало влиятельных или известных в своей стране американцев. Их тепло встречали, памятуя о недавнем военном сотрудничестве. Иных из них принимал или отвечал на их вопросы И.В. Сталин. Корреспонденту агентства Юнайтед Пресс Х. Бейли, спросившему, «заинтересована ли все еще Россия в получении займа у Соединенных Штатов», И.В. Сталин 29 октября 1946 года ответил: «Заинтересована».

Х. Бейли деловито осведомился: «Сколько времени потребуется для восстановления опустошенных районов Западной России? Ответ: Шесть–семь лет, если не больше»².

Сын президента Франклина Д. Рузвельта Э. Рузвельт 21 декабря 1946 года в интервью с И.В. Сталиным поставил вопрос по-иному: «Если между Соединенными Штатами и Советским Союзом будет достигнуто соглашение о системе займов или кредитов, принесут ли такие соглашения длительные выгоды экономике Соединенных Штатов?», на что получил ответ: «Система таких кредитов, бесспорно, взаимно выгодна как Соединенным Штатам, так и Советскому Союзу»³.

Логика уже не очень молодого, а следовательно, способного соображать отпрыска покойного президента была поразительна: что могут еще получить разбогатевшие Соединенные Штаты от израненной войной Советского Союза! Как будто мало того, что советские люди грудью прикрыли и Америку в минувшую войну!

А в то время действительно ожидалось, что США протянут руку союзнику военных лет в защите не только нашей Родины, но и дела Объединенных Наций. Все это осталось на стадии разговоров, ибо в высшем эшелоне власти в США были приняты противоположные решения. Спустя два десятилетия после описываемых событий Дж. Кеннан (тогда советник посольства США в Москве) написал в первом томе своих мемуаров, вышедшем в 1967 году:

«Тогдашние американские администрации, как Ф. Рузвельта, так и г-на Трумэна, впоследствии часто критиковали за то, что летом 1945 г. помощь по ленд-лизу России была резко прекращена, мы не предложили Советскому Союзу большего займа, а, по мнению некоторых, советским лидерам дали понять, что они могли рассчитывать на него... Должен признать, что если правительство США заслуживает критики за жесткую линию во всех этих делах, то я заслуживаю куда большей критики за то, что занял еще более жесткую позицию раньше, чем правительство, за то, что подстрекал и вдохновлял жесткость Вашингтона... Вот показательный пример моих взглядов, которые я в то время излагал послу и государственному департаменту: «Нет никаких оснований, ни экономических, ни политических, для предоставления России дальнейшей помощи по ленд-лизу или для нашего согласия на то, чтобы Россия, не являющаяся государством, делающим взносы в ЮНРРА⁴, получила сколько-нибудь значительную помощь от ЮНРРА или для предоставления американского правительственного займа России без получения эквивалентных политических уступок... Я не нахожу решительно никаких причин для раскаяния в содеянном».

Откуда такая ярость в отношении союзника Соединенных Штатов? Что, Кеннан не представлял нашей страны и нашего народа, он, отдавший всю жизнь изучению нас и считавшийся в те годы в США лучшим экспертом по делам Советского Союза? В его мемуарах мы находим поучительные эпизоды, проливающие свет на образ мышления тех, кто помогал формировать американскую политику. «На мои

взгляды по поводу возможной экономической помощи Советскому Союзу, — пишет он, — оказали воздействие впечатления во время поездки по Советскому Союзу вскоре после окончания войны в Европе». Советник американского посольства посетил Новосибирск, Кузнецк, и везде его радушно принимали, «приходилось выносить тот доброжелательный, но утомительный ритуал русского гостеприимства: «Вы ничего не едите? Попробуйте это!» Любезные хозяева не могли взять в толк, что задача Кеннана, замечает он в мемуарах, «побывать в Кузнецке, куда, насколько удалось узнать, вот уже несколько лет не заглядывал ни один иностранец с Запада, а я никогда не видел крупнейших советских заводов».

То была, по Кеннану, на редкость удачная поездка, он поглядел на все, что хотел. Проехал по тем районам, где в годы отгремевшей войны ковалась военная мощь Страны Советов. Вероятно, убедился в ней. Спустя десятилетия он идилично описывает запавшие в памяти дни, когда свободно говорившего по-русски американца никто не принимал за иностранца.

«У меня возникло ощущение, что я не чужак, а простой советский человек! Мои попутчики в самолете, по крайней мере, не принимали меня ни за кого иного. На аэродроме в Омске, в жару, сидя на траве в тени крыла самолета, я читал вслух по их просьбе слушавшую со мной книгу Алексея Толстого „Петр Первый“.

Вечерами в маленьких гостиницах при аэродромах я был с ними, как будто я был такой же, как они, рядовой человек. Мне было с ними просто и легко».

Но долг превыше всего! Открытые русские не могли и заподозрить, о чем думал и что решал рядом с ними некто в скромном поношенном пиджачке и неброской кепочке.

«Когда под самолетом медленно поплыли обширные равнины к западу от Волги, я стал размышлять в связи с моими милыми попутчиками о проблемах американской помощи России. Русские, как еще раз подтвердила моя поездка, великий и привлекательный народ. Совсем недавно они перенесли чудовищные страдания, частично за нас. Конечно, хотелось бы помочь, но разве это было возможно? Если народ находится под контролем сильного авторитарного режима, особенно враждебно настроенного к США, то, на мой взгляд, американцы почти ничем не могут помочь ему, не помогая одновременно режиму... Народ и режим, другими словами, диалектически взаимосвязаны, поэтому нельзя помочь народу, не помогая режиму, и нельзя нанести ущерб режиму, не нанося ущерба народу. Посему лучшие не пытаются ни помогать, ни наносить ущерба, а оставить все как есть. В конечном счете то их тяжкое положение, а не наше».

Возвышенные, почти философские, а в сущности, скверные суждения! Сидя бок о бок с нашими людьми, Кеннан мыслил только антисоветскими стереотипами. Какой тут реализм! Колючими холодны-

ми глазами «эксперт» по Советскому Союзу смотрел на тех, кто «пострадал» и за США в годы войны, на это «их тяжкое положение», подчеркнув «их» в тексте. Ладно, это личное восприятие, а как насчет пресловутой «враждебности» к США? Неторопливо размазывая нить повествования, Кеннан описывает, как осенью 1945 года группа американских конгрессменов напросилась на прием к И.В. Сталину. Так о чем же говорили избранники американского народа в тот день со Сталиным? «Не могу припомнить содержание беседы конгрессменов со Сталиным (в архивах в Вашингтоне, конечно, есть ее запись), — замечает Кеннан, — у меня запечатлелся только наш подход в этом случае»⁵.

С «подходом» мы уже познакомились, что до содержания беседы, то нет необходимости ворошить архивы, языкатые конгрессмены по возвращении из СССР без промедления рассказали всем и каждому, зачем они ездили в Кремль. То были члены специального комитета конгресса по послевоенной экономической политике и планированию во главе с председателем комитета У. Колмером. Собрав и проанализировав их тогдашние высказывания по возвращении в США, Дж. Гэддис в книге «США и возникновение „холодной войны“ 1941–1947» (1972) изложил дело так:

«14 сентября 1945 г. делегации под руководством председателя комитета Уильяма М. Колмера от штата Миссисипи была оказана честь: Сталин принял ее. Колмер заявил советскому лидеру, что его комитет знает о желании России получить заем от США. Как, он хочет знать, Советы используют средства, как вернут их и что может Вашингтон ожидать взамен?... Делегация... сделала отчет государственному секретарю Д. Бирнсу, а затем совещалась с Трумэнном. Группа Колмера подчеркнула в беседах с обоими, что необходимо „ужесточить наш подход к Советской Республике“. Комитет Колмера был готов одобрить американский заем Советскому Союзу при условии, что русские примут определенные обязательства. Они должны сообщить, какая доля их производства идет на вооружение. Они должны сообщить важнейшие данные о советской экономике и дать возможность проверить точность этих данных. Советский Союз не должен оказывать помощи в политических целях Восточной Европе и доложить содержание его торговых договоров с этими странами. Как в СССР, так и в странах Восточной Европы, находящихся под контролем, Кремль должен гарантировать полную защиту американской собственности, право распространять американские книги, журналы, газеты и кинофильмы. Наконец, Соединенные Штаты должны настаивать на „выполнении русских политических обязательств на тех же условиях, как и другие правительства. Это включает вывод советских оккупационных войск в соответствии с Потсдамскими соглашениями и Ялтинской конференцией“. Коротко говоря, Колмер и его коллеги

требовали, чтобы Советский Союз в обмен на американский заем изменил свою систему правления и отказался от своей сферы влияния в Восточной Европе»⁶.

Были сказаны, как видим, вещи такого порядка, что не оставалось ни малейшего сомнения, кто настроен «враждебно» и к кому, а поэтому опытный дипломат Дж. Кеннан «забыл» их и любопытным порекомендовал сходить в архивы. Хотя с легкоразличимым раздражением он подвел итог беспримерному набегу американских конгрессменов на Москву:

«Эпизод, сам по себе, конечно, малозначительный, оказался одним из тех (а их было немало во время моей дипломатической службы), которые постепенно привели меня к глубокому скептицизму касательно абсолютной ценности личных контактов для улучшения межгосударственных отношений. Должен также заметить, что визитеры из нашего конгресса значительно отличались друг от друга по степени личной выгоды, которую они извлекали из этих поездок»⁷.

Последнее замечание, по необходимости темное под пером профессионального дипломата, проясняет поведение официальных лиц из США, гужом тянувшихся тогда в Москву. Летом 1946 года в нашу столицу явилась, например, делегация по вопросам репараций во главе с крупным нефтепромышленником Э. Поули; основная задача делегации заключалась в том, чтобы познакомить советские органы с принципом «первой заимки», а именно, разъясняет в книге «Потрясенный мир» (1977) американский историк Д. Ерджин, «репарации из текущей продукции, то есть из продукции германской экономики, снижаются до минимума. Во-вторых, экспорт из этой продукции сначала идет на оплату товаров, ввозимых с Запада, а только потом на репарационные поставки Востоку. Германия включается в многосторонний, находящийся под американским контролем мировой экономической порядок до выплаты репараций (в сущности, помощи) советскому союзнику... Некоторые члены американской делегации не скрывали своей враждебности, находя и эти директивы слишком мягкими, другие не могли сдерживать порывы к наживе. Ряд членов делегации Поули продал свои костюмы в Москве по спекулятивной цене — по 250 долларов за костюм»⁸.

Оказались мелкими спекулянтами. Они преуспели в этом и в срыве репарационных платежей Советскому Союзу, хотя к этому времени выяснилось — экономический потенциал Германии в 1945 году, несмотря на разрушения, был выше, чем в 1939 году⁹. Ни от «теоретиков» типа Кеннана, ни от практиков вроде Колмера, Поули и К° ожидать ничего хорошего нам не приходилось. По той простой причине, что Советский Союз в Вашингтоне считали врагом и вели себя соответственно.

***

Вот как они нас представляли и представляют по сей день. Тон многотомному докладу сенатской ко-

миссии Ф. Черча, расследовавшей в 1975–1976 годах деятельность разведывательного сообщества в США, задает вводная глава к этому официальному отчету. В ней сказано:

«Вторая мировая война ознаменовала поражение одного типа тоталитаризма. Но быстро вырос другой вызов тоталитаризма. Советский Союз, главный союзник США в войне, стал главным противником США в мире. Моць нацизма лежала в руинах, но моць коммунизма мобилизовывалась... Офицеры американской военной разведки одни из первых усмотрели изменение обстановки. Почти сразу после взятия Берлина Красной Армией американская разведка постаралась определить цели Советов. Офицер разведки Гарри Розицкий, впоследствии глава управления по делам СССР ЦРУ, был послан на „джипе“ в Берлин...» Он так описывал в показаниях комиссии (31 октября 1975 г.) свои впечатления: «Мы въехали в пригороды Берлина и кричали: „Американцы!“; русские горячо приветствовали нас. На автостраде, а я хорошо знал Германию до войны, нам бросилась в глаза колонна немцев моложе 16 и старше 60 лет, которых гнали на восток монголоидные солдаты ростом в 140–150 сантиметров в лаптях... Мы пробирались через руины Берлина, по большей части движение было односторонним, стараясь выяснить род оружия на погонах каждого встречного солдата... Насмотревшись вдоволь, а все мы трое очень нервничали, мы ринулись прямо из Берлина в английскую зону. Когда мы добрались туда, то очень развеселились, почувствовали облегчение, ибо целых 36 часов были в другом мире. Первое, что мне пришло тогда на ум, — Россия идет на запад»¹⁰.

Не было этого — не «гоняли» советские солдаты немецких мальчишек и старцев на восток и не могли взять логово фашистского зверя — Берлин недомерки, да еще «в лаптях», не обозначали на фронтовых погонах номеров частей и не «шла Россия на запад». Все врал паршивец в мундире офицера американской разведки своему начальству тогда, а спустя тридцать лет — стариком — сенаторам. Он представил полутрассуточное пребывание в Берлине как некий «подвиг». А его вместе с двумя такими же подонками наверняка сердечно приветствовали советские воины. Как союзников, не ведая в радости победы, что к ним прикатила паскудная компания глуповатых шпионов¹¹.

Какой спрос с молодого, хотя и подававшего надежды, прохвоста Г. Розицкого? А генерал Д. Паттон, прославленный в США герой той войны, — ему, казалось, надлежало быть серьезнее. Куда там! Он открыл, что русские — «вырождающаяся раса монгольских дикарей», каждый из нас и все мы вместе «сукины сыны, варвары и запойные пьяницы»¹². Вот так, и не иначе!

Что касается высшего командования американских вооруженных сил, то оно определило Советский Союз потенциальным «врагом» задолго до окончания Второй мировой войны. Исходной посылкой замечательного заключения на первых порах были отнюдь

не умозрительные соображения, а факторы, поддававшиеся количественному учету, — какое государство окажется, помимо США, наиболее сильным в послевоенном мире. Таковым мог быть и оказался только и исключительно Советский Союз, следовательно, вот он, «враг»! Параметры врага определялись, следовательно, не его намерениями, а физическими возможностями великой державы — Советского Союза вести войну. Бескрылый профессионализм (с политической точки зрения явный кретинизм) не мог не укрепить решительным образом антикоммунизм как идеологию, придав ему, во всяком случае, осязаемость в глазах официального Вашингтона.

Все это шло рука об руку с разработкой в американских штабах новой военной доктрины, основные контуры которой прояснились довольно рано. Уже в 1943 году, рассуждая о послевоенных проблемах, заместитель военно-морского министра Д. Форрестол публично учил: «Понятия „безопасность“ больше не существует, и вычеркнем это слово из нашего лексикона. Запишем в школьные учебники аксиому — мощь подобна богатству: либо используют ее, либо утрачивают»¹³. Тем временем исследовалось соотношение сил между США и СССР. Перед лицом побед Советских Вооруженных Сил комитет начальников штабов США пришел к реалистическим выводам относительно последствий вооруженного конфликта между нашими странами. Они были сформулированы в серии рекомендаций, представленных комитетом правительству, начиная со второй половины 1943 года, то есть после Сталинграда и Курска. Вероятно, самыми поучительными среди них были рекомендации, направленные 3 августа 1944 года государственному секретарю К. Хэллу, недвусмысленно предупреждавшие правительство против взлетов в политическую стратосферу без учета реальных возможностей США:

«Успешное завершение войны против наших нынешних врагов приведет к глубоким изменениям соответственной военной мощи в мире, которые можно сравнить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это имеет кардинальное значение для последующих международных урегулирований и всех обсуждений, касающихся их. Помимо устранения Германии и Японии как военных держав, изменения соответственной экономической мощи главных государств, технические и материальные факторы значительно способствовали этим изменениям. Среди них: развитие авиации, общая механизация вооруженной борьбы и заметный сдвиг в военном потенциале великих держав.

После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. В каждом случае это объясняется сочетанием их географического положения, размеров и громадного военного потенциала. Хотя США могут перебросить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относи-

тельная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной из сторон выступит Британская империя»¹⁴.

Американские высшие штабы своевременно поняли и оценили происходившее тогда: исполинские победы Советского Союза привели к созданию военного равновесия в силах между СССР и США, а в широком плане между социализмом и капитализмом. Здесь коренятся истоки всего послевоенного развития международных отношений. Если Великий Октябрь был прорывом в цепи капитализма, то победа СССР в Великой Отечественной войне создала равновесие в силах между социализмом и капитализмом. Обратив вспять, опрокинуть сложившееся в результате советских побед соотношение сил — в этом усматривал свою генеральную задачу Вашингтон.

Американские военные, мыслившие привычными категориями голой силы, стали приискивать надлежащие средства для удара по «врагу», то есть Советскому Союзу. Философским камнем при решении проблемы, представлявшейся неразрешимой в рекомендациях, относящихся к 1943–1944 годам, явилось атомное оружие. Еще до его испытания и использования в высших советах Вашингтона обозначилось согласие, что угроза атомной бомбы, зашифрованной под кодовым названием S-1, заставит СССР «либерализовать» свой строй и отказаться от плодов победы в Европе. Военный министр Г. Стимсон, по крайней мере, вынес такое впечатление от бесед с Ф. Рузвельтом. В одной из записей Стимсона после встречи с Рузвельтом значится: «Необходимость ввести Россию органически в лоно христианской цивилизации... Возможное использование S-1 для достижения этого...»¹⁵. Учитывая крайнюю секретность всего связанного с атомной бомбой, Стимсон по необходимости был краток в записях — отточия и сокращения документа.

После сожжения атомными бомбами Хиросимы и Нагасаки и еще до капитуляции Японии комитет начальников штабов США приступил к разработке планов новой войны. Они были зафиксированы в директивах 1496/2 «Основа формулирования военной политики» и 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», утвержденные комитетом начальников штабов соответственно 18 сентября и 9 октября 1945 года. Тогда вся эта документация была строго засекречена, в наши дни для некоторых американских исследователей открыт к ней ограниченный доступ.

В работе М. Шерри «Подготовка к следующей войне», увидевшей свет в 1977 году, сказано:

«Мы не нанесем первого удара», — заверил конгресс Эйзенхауэра поздней осенью (1945 г.), однако секретные планы свидетельствовали об обратном. Даже в публичных заявлениях некоторые военные прозрачно намекали на мудрость превентивного удара. Законность первого удара, лишь подразумевавшаяся

в ранних планах, отныне безоговорочно подтвержда-
лась комитетом начальников штабов...

На серии штабных совещаний был усилен акцент
на действиях в плане превентивных ударов. Штабные
планировщики потребовали включить в директиву
1496 подчеркнутое указание на нанесение «первого
удара», настаивая: «На это следует обратить осо-
бое внимание с тем, чтобы было ясно — отныне это
новая политическая концепция, отличная от амери-
канского отношения к войне в прошлом...»

В случае большой войны некоторые ее цели были
ясны. США должны «следовать нашей единственной
политике, которой мы придерживались в течение
тридцати лет. Мы предпочитаем вести наши вой-
ны, если они необходимы, на чужой территории». Рас-
полагая системой передовых баз и мобильными
вооруженными силами, США должны максимально
защититься от прямого нападения... В набросках
директивы 1518 выражалось сомнение в целесооб-
разности попыток добиться полного завоевания или
уничтожения главного врага типа Советского Сою-
за. Но генерал Линкольн доказывал, что цель в вой-
не против СССР — «не загнать его за свои границы,
а уничтожить его военный потенциал, в противном
случае последует длительная война...».

Комитет начальников штабов в октябре
(1945 г.) рекомендовал ускорить атомные исследо-
вания и производство атомных бомб, сохранение
максимальной секретности и «отказ вести в эти
тайны любую страну или ООН». Чтобы ускорить
движение по избранному пути, военное министер-
ство возглавило усилия по установлению военного
контроля над будущими атомными исследованиями...

Убежденные, что иного пути нет, военные от-
ныне составляли планы использования атомных
бомб как главного средства массированного сдержи-
вания и возмездия. Это не держали в тайне. В ноябре
1945 года был опубликован доклад (главнокомандую-
щего ВВС) генерала Арнольда военному министру,
в котором указывалось, что США должны указать
потенциальному агрессору — за нападением на США
немедленно последует всепоглощающий атомный
удар по нему с воздуха». Куда дальше, чем Арнольд,
зашел комитет начальников штабов, который в сек-
ретном докладе взвесил желательность нанесения
атомных ударов по Советскому Союзу как в виде
возмездия, так и первыми. Объединенный разведы-
вательный комитет наметил двадцать советских
городов, подходивших для атомной бомбардировки...
Этот комитет рекомендовал атомное нападение
не только в случае неминуемого выступления СССР,
но и в том случае, если успехи врага в области эконо-
мики и науки указывали на создание возможностей
«в конечном итоге напасть на США или создать обо-
роту против нашего нападения». Комитет советовал
«предоставить приоритет стратегической авиа-
ции» в любых усилиях пресечь продвижение России
к созданию возможностей для нападения. Комитет

добавил, что атомные бомбардировки относитель-
но малоэффективны против обычных вооруженных
сил и транспортной системы, то есть признал —
атомная бомба будет пригодна только для массового
истребления (населения) городов»¹⁶.

Эти оголтелые, плечи которых густо усыпали
генеральские и офицерские звезды, сочинявшие
каннибальские планы и разгонявшие маховик гонки
атомных вооружений, что — они верили в советскую
«угрозу»? Уже приведенное содержание секретных
штабных документов, которые обозрел и в какой-то
степени проанализировал М. Шерри с надлежащими
отсылками к архивным досье, не оставляют сомне-
ния — никто не верил в «агрессивность» Советского
Союза. Конечный вердикт М. Шерри:

«Советский Союз не представляет собой непо-
средственной угрозы, признало командование воору-
женных сил. Его экономика и людские ресурсы были
истощены войной... Следовательно, в ближайшие
несколько лет СССР сосредоточит свои усилия на
восстановлении... Советские возможности, неза-
висимо от того, что думали о намерениях русских,
представлялись достаточным основанием считать
СССР потенциальным врагом»¹⁷.

Директива комитета начальников штабов
1496/2 не оставалась достоянием военных. Она была
доложена координационному комитету, объединяв-
шему представителей государственного департамен-
та, военного и военно-морского министерств. Уже
как документ этого комитета (СВНKK-282) она была
предложена на рассмотрение и суждение руководства
государственного департамента. Политики, как им
подобает, сделали второстепенные замечания в сво-
ей записке от 16 ноября 1945 года: «Действия во ис-
полнение заявления комитета начальников штабов
о военной политике США», но и слова не сказали по
поводу устрашающего положения директивы 1496/2,
воспроизведенной в документе СВНKK-282, а именно:

«Мы не можем допустить, чтобы возоблада-
ла ложная и опасная идея — дабы избежать занятия
агрессивной позиции, мы позволили первому удару об-
рушиться на нас. В таких обстоятельствах наше
правительство должно добиваться быстро поли-
тического решения, одновременно проведя все при-
готовления, чтобы в случае необходимости самому
нанести первый удар»¹⁸.

Чем? Прежде всего атомными бомбами! Вплоть
до последнего времени в американской историогра-
фии безраздельно господствовало представление
о том, что Трумэн поторопился с сожжением Хиро-
симы и Нагасаки, ибо США располагали-де двумя
атомными бомбами. Их нельзя было израсходовать
для демонстрации мощи атомного оружия где-ни-
будь не в населенном месте, поэтому был необходим
предметный урок ценой гибели сотен тысяч мирных
жителей. В изданной в 1978 году, например, Примеча-
тельной во многих отношениях книге У. Манчестера
«Слава и мечта» сказано: «Генерал Грэвс считал, что

предварительные испытания будут не нужны. Он считал, что первая бомба будет готова примерно к 1 августа 1945 года, вторая к 1 января 1946 года, а третья позднее, в точно не установленный срок». Так он считал на рубеже 1944/45 года. На начало лета 1945 года, по словам У. Манчестера, американцы не имели бомб, чтобы растрчивать их без дела. Помимо статичного устройства, которое подлежало взрыву, у них было всего две бомбы — «Худой» и «Толстяк»¹⁹.

Итак, для Японии США располагали двумя бомбами, к исходу 1945 года, оказывается, в американских арсеналах было, по крайней мере, 196 атомных бомб и... для русских! В директиве Объединенного комитета военного планирования № 432/д от 14 декабря 1945 года, принятой в связи с описанными директивами комитета начальников штабов об атомной бомбардировке 20 советских городов, было сказано: «На карте к приложению А (к документу Объединенного разведывательного комитета от 3 ноября 1945 г. — Н. Я.)... указаны 20 основных промышленных центров Советского Союза и трасса Транссибирской магистрали — главной советской линии коммуникаций. Карта также показывает базы, с которых сверхтяжелые бомбардировщики могут достичь семнадцати из двадцати указанных городов и Транссибирскую магистраль. Согласно нашей оценке, действуя с указанных баз и используя все 196 атомных бомб (куда входят 100 процентов резерва), Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он в конечном счете может стать решающим».

Упомянутые «источники военной силы» планировщики атомной агрессии трактовали куда как расширительно. Из документа Объединенного разведывательного комитета 329 от 3 ноября 1945 года отчетливо виден ход их мысли: «Одной из главных особенностей атомного оружия является его способность уничтожить скопления людей, и эту особенность следует использовать в сочетании с иными его качествами».

Посему:

«I. В приложении А приведены 20 городских территорий, рекомендованных как наиболее подходящие стратегические цели для ударов с применением атомного оружия. Города отобраны по принципу их общего значения с учетом: 1) производственных мощностей, особенно производства самолетов и другого вооружения; 2) наличия государственных и административных учреждений и 3) наличия научно-исследовательских учреждений...»

Мы располагаем лишь неполной информацией о расположении и функциях ведущих научно-исследовательских учреждений, находящихся в ведении Академии наук СССР (ее штаб-квартира в Москве). Эти институты, возможно, работающие в контакте с ведущими университетами, представляют собой главные исследовательские центры. Следует полагать, что значительная часть этих учреждений расположена в отобранных для бомбежки районах».

Значит, сожжем и ученых! А всего в 20 городах, избранных на первый случай объектами атомной бомбардировки, в то время проживало 13 миллионов человек, среди них женщины, дети, старики. Мартиролог, открытый Хиросимой и Нагасаки, должны были пополнили 20 советских городов (в очередности, установленной американскими штабными планировщиками): Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль²⁰.

Итак, в сентябре — ноябре 1945 года Соединенные Штаты приняли на вооружение доктрину «первого удара», внезапной атомной агрессии против Советского Союза.

Повод к открытию военных действий был ясен: чем быстрее становился на ноги Советский Союз после тяжелейшей войны, тем громче звучал военный набат в Вашингтоне. Мы безмерно радовались тому, что год 1947-й стал годом великого успеха — Советский Союз после четырех лет войны и двух лет восстановления снова вышел на позиции, завоеванные в ходе социалистического строительства к 1941 году. Открылись горизонты, омраченные было войной.

Страна, скорбя о павших в недавнюю войну, чествовала героев мирного труда. Наши успехи были замечены и «отмечены» правящей элитой Соединенных Штатов, которая сделала из них надлежащие практические выводы. Выводы в глазах той самой элиты вдвойне прочные, ибо одновременно с советским народом, героически трудившимся на послевоенных стройках, не покладала рук рать «специалистов» по нашей стране. Эти подлинно установили, кто мы такие, и разрабатывали рекомендации, как именно с нами поступить, какие орудия и средства употребить для этого.

***

22 февраля 1946 года поверенный в делах США в СССР Дж. Кеннан отослал в Вашингтон «длинную телеграмму», которую американские политики и историки единодушно считают по сей день краеугольным камнем в оценке Советского Союза. В восьми тысячах резких слов, на комментирование которых в США с тех пор ушли многие миллионы слов, Кеннан обрисовал жуткую угрозу, будто бы нависшую над США, и предложил стратегию неукоснительной вражды к СССР. «Итак, перед нами политическая сила, фанатически утвердившаяся в убеждении, что с США не может быть постоянного модус вивенди... Вот отправная точка, от которой должен действовать отныне наш политический генеральный штаб»²¹. Против Советского Союза надлежит действовать только силой.

Умники, собравшиеся в Вашингтоне при Трумэне, уже по той причине, что Кеннан назвал их «политическим генеральным штабом», преисполнились

сознания собственной государственной значимости и пустились в состязание с ним по части сочинения прожектов расправы с советским народом. Специальный помощник президента К. Клиффорд по приказу Трумэна провел совещание с высшими государственными руководителями США и 24 сентября 1946 года представил ему обширный доклад «Американская политика в отношении Советского Союза». Определенно разделяя апокалипсическое видение Советского Союза Кеннаном, Клиффорд высказался:

«Адепты силы понимают только язык силы. Соединенные Штаты и должны говорить таким языком... Надо указать Советскому правительству, что располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... Советский Союз не слишком уязвим, ибо его промышленность и естественные ресурсы широко расщеплены, однако он уязвим для атомного, бактериологического оружия и дальних бомбардировщиков. Следовательно, чтобы держать нашу мощь на уровне, который эффективен для сдерживания Советского Союза, США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну. Высокомеханизированную армию, перебрасываемую морем или по воздуху, способную захватывать и удерживать ключевые стратегические районы, должны поддержать мощные морские и воздушные силы. Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружения... Любые переговоры об ограничении вооружений вести медленно и осторожно, постоянно памятуя, что предложения о запрещении применения атомного оружия и наступательных видов вооружения дальнего действия значительно ограничат мощь Соединенных Штатов...»

США должны понять, что советская пропаганда опасна (особенно когда подчеркивается американский „империализм“), и избегать любых действий, которые могли бы придать видимость правды советским обвинениям... США должны приложить энергичные усилия, чтобы добиться лучшего понимания США среди влиятельных слоев советского населения, и противодействовать антиамериканской пропаганде, которую Кремль распространяет среди советского народа. В самых широких масштабах, какие только потерпит Советское правительство, мы должны доставлять в страну книги, журналы, газеты и кинофильмы, вести радиопередачи на СССР... В самих Соединенных Штатах коммунистическое проникновение должно быть разоблачено и ликвидировано»²².

Если присовокупить вялые и косноязычные рассуждения в докладе (куда Клиффорду тягаться с отменным стилистом Кеннаном!) насчет того, что «трудности» США с СССР порождены советским режимом, а ссоры с русским народом у Вашингтона — нет, тогда обрисовываются контуры стратегического мышления правящей элиты США. К генеральной

цели — уничтожению или фатальному ослаблению Советского Союза — ведут два пути: война или (на подступах к ней, а при определенных условиях вместо нее) подрывная работа. Вашингтон должен быть готов проводить оба курса. Какой возобладает, покажет завтрашний день, точнее, соотношение сил между СССР и США. Мирного сосуществования, не говоря уже о сотрудничестве, между капитализмом и социализмом быть не может.

Так гласила доктрина, восторжествовавшая в самых верхах американского общества. Она отражала отчаяние увядающей цивилизации, которая мобилизовывала силы, чтобы удержаться на исторической арене.

Политика США в отношении Советского Союза была представлена миру как политика «сдерживания» коммунизма²³. А рамки этого расплывчатого и пустого лозунга оказались достаточно широкими, чтобы охватить «доктрину Трумэна», «план Маршалла», сколачивание агрессивных блоков и окружение Советского Союза плотным кольцом американских военных баз. В интересах «сдерживания» на исходе 1947 года проводится реорганизация высшего государственного руководства в США. Учреждается Совет национальной безопасности во главе с президентом, орган чрезвычайного руководства, который отныне в глубокой тайне решает вопросы войны и мира для Соединенных Штатов. В прямом подчинении Совета национальной безопасности учреждается Центральное разведывательное управление. Одновременно основывается министерство обороны для руководства и координации военных усилий. Эта структура государственного правления была создана для войны и имела в виду скорейшее развязывание войны против СССР. То, что инициативу возьмут на себя Соединенные Штаты, в Вашингтоне сомнений не вызывало. Совет планирования политики государственного департамента, который возглавил Кеннан, 7 ноября 1947 года представил «Резюме международной обстановки»:

«Опасность войны многими значительно преувеличивается. Советское правительство не желает и не ожидает войны с нами в обозримом будущем... Крайние опасения по поводу опасности войны исходят из неверной оценки советских намерений. Кремль не желает новой большой войны и не ожидает ее... В целом нет оснований полагать, что мы внезапно будем вовлечены в вооруженный конфликт с СССР»²⁴.

Получив и ознакомившись с выводами совета планирования политики, те в Вашингтоне, кто готовил нападение на Советский Союз, надо думать, испытали немалое удовлетворение — подготовляемый удар будет внезапным.

***

Штабное планирование к этому времени зашло далеко, и министр обороны Дж. Форрестол 10 июля 1948 года потребовал представить правительству

всестороннюю оценку национальной политики в отношении Советского Союза, ибо без нее «нельзя вынести логических решений относительно размеров ресурсов, уделяемых военным целям»²⁵. Совет планирования политики представил просимый анализ, озаглавленный «Цели США в отношении России», который был утвержден 18 августа 1948 года как Совершенно секретная директива Совета национальной безопасности СНБ 20/1. Этот документ, занявший 33 страницы убористого текста, впервые опубликован в США в 1978 году в сборнике «Сдерживание. Документы об американской политике и стратегии 1945–1950 гг.». Во вступительной части директивы СНБ 20/1 объяснялось:

«Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России уже теперь, в мирное время, чем было необходимо в отношении Германии и Японии еще до начала военных действий с ними... При государственном планировании ныне, до возникновения войны, следует определить наши цели, достижимые как во время мира, так и во время войны, сократив до минимума разрыв между ними».

В элегантнейших фразах формулировалось:

«Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

- а) Свести до минимума мощь и влияние Москвы;*
- б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России».*

По уже сложившейся практике высшего государственного руководства намечались действия в условиях мира и в условиях войны. Для мирного периода директива СНБ 20/1 предусматривала капитуляцию СССР под давлением извне. Последствия такой политики в директиве СНБ 20/1, конечно, предвиделись:

«Наши усилия, чтобы Москва приняла наши концепции, равносильны заявлению: наша цель — свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно доказать, что эти цели недостижимы без войны, и, следовательно, мы тем самым признаем: наша конечная цель в отношении Советского Союза — война и свержение силой Советской власти.

Было бы ошибочно придерживаться такой линии рассуждений.

Во-первых, мы не связаны определенным сроком для достижения наших целей в мирное время. У нас нет строгого чередования периодов войны и мира, что побуждало бы нас заявить: мы должны достичь наших целей в мирное время к такой-то дате или „прибегнем к другим средствам...“.

Во-вторых, мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, не совместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества (так именуется социализм и капитализм. — Н. Я.).

Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события... Как правительство мы не несем ответственности за внутренние условия в России...»

В директиве СНБ 20/1 подрывная работа против Советского Союза хладнокровно признавалась государственной политикой, неотъемлемым элементом общего политического курса Вашингтона, для этого понадобилась тотальная мобилизация немалых ресурсов, традиционного лицемерия заокеанской республики. В самом деле, в директиве СНБ 20/1 с редкой софистикой констатировалось:

«Нашей целью во время мира не является свержение Советского правительства. Разумеется, мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми нынешние советские лидеры не смогут смириться и которые им не придутся по вкусу. Возможно, что, оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России. Однако следует со всей силой подчеркнуть — то их, а не наше дело... Если действительно возникнет обстановка, к созданию которой мы направляем наши усилия в мирное время, и она окажется невыносимой для сохранения внутренней системы правления в СССР, что заставит Советское правительство исчезнуть со сцены, мы не должны сожалеть по поводу случившегося, однако мы не возьмем на себя ответственность за то, что добивались или осуществили это».

Так какая же это «обстановка»? В директиве СНБ 20/1 в обобщенной форме, но достаточно четко указывалось:

«Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля».

В сумме все эти соображения сводились к одному — различными подрывными действиями и разными методами свергнуть социалистический строй в нашей стране. Такова конечная цель директивы СНБ 20/1 для «мирного» времени.

На случай войны дело много упрощалось, предусматривался самый разудалый образ действия. Составители документа не вдавались в детали, как именно будет нанесено военное поражение Советскому Союзу, — то дело генералов, а занялись дележом шкуры неубитого медведя, то есть политикой в отношении нашей страны после ее разгрома. Вероятно, они все же бросили взгляд на карту, а посему записали:

«Мы должны прежде всего исходить из того, что для нас не будет выгодным или практически осуществимым полностью оккупировать всю территорию Советского Союза, установив на ней нашу военную администрацию. Это невозможно как ввиду обширности территории, так и численности населения... Иными словами, не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим».

Вашингтонские стратеги рассматривали несколько вариантов этого «урегулирования» в зависимости от исхода боевых действий:

«Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией, то мы должны потребовать:

- а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т.д.), с тем чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;*
- б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира. Условия, имеющие в виду расчленение нашей страны, беспрепятственное проникновение „идей извне“ и т.д. Все условия должны быть жесткими и явно унижительными для этого коммунистического режима. Они могут примерно напоминать Брест-Литовский мир 1918 г., который заслуживает самого внимательного изучения в этой связи».*

Прекрасно! В 1948 году Совет национальной безопасности США объявлял себя наследником германских милитаристов 1918 года! В директиве СНБ 20/1, впрочем, исправлялась «ошибка» кайзеровской Германии, а именно:

«Мы должны приняты в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будет доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления. Мы слишком натерпелись в минувшие пятнадцать лет, действуя, как будто нормальные отношения с таким режимом были возможны».

Но упомянутые 15 лет, то есть с 1933 года, — это восстановление дипломатических отношений между США и СССР, сотрудничество наших двух стран в войне против держав фашистской «оси». Не только мы, но все человечество видело, что Советский Союз защищал дело Объединенных Наций, включая США, а теперь, в 1948 году, выяснилось, что Америка «натерпелась»; «натерпелась» тогда, когда советский солдат спас и Соединенные Штаты! Но бесполезно говорить о морали и элементарной порядочности, вернемся к директиве СНБ 20/1. Ее составители тщательно проанализировали куда более привлекательный для них исход войны против Советского Союза — исчезновение Советской власти:

«Так какие цели мы должны искать в отношении любой некоммунистической власти, которая может возникнуть на части или всей русской территории в результате событий войны? Следует со всей силой подчеркнуть, что независимо от идеологической основы любого такого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздавать хвалу демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей, вытекающих из уже упомянутых требований. Другими словами, мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

- а) не имел большой военной мощи,*
- б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира,*
- в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами и,*
- г) не установил ничего похожего на железный занавес. В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унижительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов».*

Следовательно, речь шла не только об уничтожении Советской власти, но и российской государственности, исчезновении нашей страны из числа великих держав, а кто, по мысли Совета национальной безопасности, будет править на территориях, некогда составлявших Советский Союз? «В настоящее время, — заявлялось в директиве СНБ 20/1, — есть ряд интересных и сильных русских эмигрантских группировок... любая из них... подходит, с нашей точки зрения, в качестве правителей России». Все они, конечно, подкармливались американскими спецслужбами, назойливо выпрашивая новые подачки. Надо думать, что в Вашингтоне немало намучились с ними, а посему включили в директиву СНБ 20/1 план, который должен был избавить американских политиков от многих хлопот:

«Мы должны ожидать, что различные группы предпримут энергичные усилия, с тем чтобы побудить нас пойти на такие меры во внутренних делах России, которые свяжут нас и явятся поводом для политических групп в России продолжать выпрашивать нашу помощь. Следовательно, нам нужно принять решительные меры, дабы избежать ответственности за решение, кто именно будет править Россией после распада советского режима. Наилучший выход для нас — разрешить всем эмигрантским элементам вернуться в Россию максимально быстро и позаботиться о том, в какой мере это зависит от нас, чтобы они получили примерно равные возможности в заявках на власть... Вероятно, между различными группами вспыхнет вооруженная борьба. Даже в этом случае мы не должны вмешиваться, если только эта борьба не затронет наши военные интересы».

Оставалось решить вопрос о политике в отношении Коммунистической партии Советского Союза: «Как быть с силой Коммунистической партии Советского Союза — это в высшей степени сложный вопрос, на который нет простого ответа». После разного рода рассуждений составители директивы СНБ 20/1 постановили вверить его в руки тех самых «правителей» для нашей страны, которых США доставят из-за границы. Что даст возможность физически истребить коммунистов, а США умоют руки:

«На любой территории, освобожденной от правления Советов, перед нами встанет проблема человеческих остатков (язык-то какой! — Н. Я.) советского аппарата власти. В случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней советской территории местный аппарат Коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье, как случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он вновь заявит о себе в форме партизанских банд.

В этом отношении проблема, как справиться с ним, относительно проста: нам окажется достаточным раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат или арестуют или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти. И в этом случае мы не должны брать на себя ответственность за расправу с людьми или отдавать прямые приказы местным властям, как поступить с ними. Это дело любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших коммунистов для безопасности нового режима и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не наносили вреда... Мы должны неизменно помнить: репрессии руками иностранцев неизбежно создают местных мучеников... И так, мы не должны ставить своей целью проведение нашими войсками на территории, освобожденной от коммунизма, широкой программы декоммунизации и в целом должны оставить это на долю любых местных властей, которые придут на смену Советской власти²⁶.

На этом заканчивалась директива СНБ 20/1 (подчеркнутые места по тексту документа), которая вызвала неистовый восторг Белого дома и легла в основу американской политики в отношении Советского Союза. Во многом и очень многом, даже в нумерации, она сходилась с директивой № 21, отданной примерно за восемь лет до этого Гитлером о плане «Барбаросса»...

Впрочем, вопрос о приоритете геноцида в отношении тех, кто считается противником, не так прост. Директива СНБ 20/1 полностью соответствовала американской традиции ведения войны, которой восхищался

не кто иной, как Гитлер. В его новейшей биографии, написанной американским историком Дж. Толандом, сказано: «Гитлер утверждал, что свои идеи создания концентрационных лагерей и целесообразности геноцида он почерпнул из изучения истории... США. Он восхищался, что... в свое время на Диком Западе были созданы лагеря для индейцев. Перед своими приближенными он часто восхвалял эффективность американской техники физического истребления — голодом и навязыванием борьбы в условиях неравенства сил»²⁷. Журнал «Ньюсуик» восхвалил эту книгу как «первую работу, которую должен прочитать каждый интересующийся Гитлером... В ней сообщается много нового», а автор был удостоен в США премии Пулитцера. Вот и учтем это «новое»!

Соединенные Штаты в 1948 году брали курс на развязывание агрессивной войны против Советского Союза в самом ближайшем будущем. Непосредственные задачи военного планирования потребовали изложения описанного документа лаконичным языком, дабы довести его в качестве руководства до сведения командования вооруженных сил. Это взяли на себя члены Совета национальной безопасности: вице-президент СНБ А. Баркли, государственный секретарь Дж. Маршалл, министр обороны Дж. Форрестол, военный министр К. Ройал, министр военно-морского флота Д. Салливан, министр авиации С. Саймингтон, директор ЦРУ контр-адмирал Р. Хилленкоттер, директор управления национальных ресурсов Д. Стилмен и исполнительный секретарь СНБ адмирал С. Соуэрс²⁸.

Внушительный авторский коллектив несколько месяцев трудился над собственной версией директивы СНБ 20/1, в конечном итоге сократив ее ровно в четыре раза. Конечный вариант, предложенный Трумэну и утвержденный им 23 ноября 1948 года как директива СНБ 20/4, воспроизводил все основные положения предшествовавшей директивы, немного подпорченные канцелярским стилем высокопоставленных авторов. Конечно, они и их помощники в совокупности не обладали литературным даром главы совета планирования политики, где была сочинена директива СНБ 20/1.

С чиновничьим изяществом в директиве СНБ 20/4 заявлялось: «Самую серьезную опасность безопасности США в обозримом будущем представляют враждебные замыслы, громадная мощь СССР и характер советской системы». Следовательно, само существование советского строя — «серьезная угроза», и все тут. Далее иногда в небольшом перифразе, а главным образом буквальным воспроизведением ключевых мест повторялась директива СНБ 20/1 и перечислялись уже известные нам действия как в «мирное время», так и во время войны. По сравнению с ней, однако, несколько больший упор делался на подрывную работу в обоих случаях, с конечным выводом в этом отношении:

«Если Соединенные Штаты используют потенциальные возможности психологической войны

и подрывной деятельности, СССР встанет перед лицом увеличения недовольства и подпольной оппозиции в зоне, находящейся под советским контролем».

Были кое-какие различия и в терминологии. Так, в директиве СНБ 20/4 появился термин применительно к СССР «большевистский режим», что понятно — ее писали люди много старше, чем сочинители директивы СНБ 20/1. Все это были несущественные различия, порожденные скорее авторским честолюбием, чем различием во взглядах.

Коль скоро директива СНБ 20/4 спускалась исполнителям, их заверили, что СССР война застигнет врасплох, ибо «тщательный учет самых различных факторов указывает на вероятность того, что Советское правительство в настоящее время не планирует никаких умышленных военных действий, рассчитанных на вовлечение США в конфликт»²⁹.

Положения директивы СНБ 20/4 были приняты к исполнению американскими штабами, цитировались и учитывались при составлении оперативных планов нападения на Советский Союз, каковых в это время было немало. Политики подтвердили генералам, кто враг, а тем, в свою очередь, осталось определить военные методы и средства разгрома Советского Союза. Без большой оттяжки, ибо директивы СНБ 20/1 и 20/4 исходили из того, что война против СССР не за горами.

***

К 1948 году в сейфах американских штабов скопилось немало оперативных разработок нападения на Советский Союз. Как комитет начальников штабов, так и командующие на местах приложили к этому руку. Например, командующий американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэр оставил в наследство своему преемнику на этом посту план «Тоталити», составленный еще в конце 1945 года. Планы, естественно, обновлялись, однако всеобъемлющая подготовка к скорому нападению на СССР последовала за принятием описанных директив СНБ.

По приказанию комитета начальников штабов к середине 1948 года был составлен план «Чариотир». Война должна была начаться «с концентрированных налетов с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных городов и избранных предприятий нефтеочистительной промышленности, с баз в западном полушарии и Англии».

В первый период войны — тридцать дней — намечалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. Из них 8 атомных бомб на Москву с разрушением примерно 40 квадратных миль города и 7 атомных бомб на Ленинград с соответствующим разрушением 35 квадратных миль. В последующие за этим два года войны предполагалось сбросить еще 200 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб. Командование стратегической авиации предполагало, что где-то в ходе этих бомбардировок или после них Советский Союз капитулирует³⁰.

К 1 сентября 1948 года по штабам соединений вооруженных сил США был разослан план «Флитвуд» — руководство к составлению соответствующих оперативных планов. Как в наметках «Чариотира», так и в плане «Флитвуд» признавалось, что с началом войны Советский Союз сможет занять Европу. Как было, например, отмечено в плане «Флитвуд» применительно к Средиземноморью:

«К исходу шестого месяца боевых действий Советские войска смогут оккупировать и укрепиться на всем северном побережье Средиземного моря, от Пиренеев до Сирии, и подвергнуть линии коммуникаций в море сосредоточенным ударам с воздуха. Кроме того, СССР через шесть месяцев после начала войны сможет оккупировать Испанию и подвергнуть артиллерийскому обстрелу коммуникации (через Гибралтарский пролив)»³¹.

Объединенный разведывательный комитет в приложении к плану «Флитвуд» заключил:

«СССР в борьбе с вероятными противниками — США, Англией и союзными с ними странами — сможет овладеть ключевыми районами Европы и Азии»³².

Перспективы для американских агрессоров выглядели мрачноватыми, тогда зачем открывать войну, в первый период которой по планам только и думали об эвакуации из Западной Европы? Командование американской стратегической авиации предлагало временно закрыть на это глаза, ибо пока Красная Армия будет продвигаться по Европе и Азии, атомные бомбардировки территории Советского Союза — подорвут основной элемент советской мощи — политический, каковой, по заключению объединенного разведывательного комитета в приложении к плану «Флитвуд», состоял в следующем:

«1) природное мужество, выдержка и патриотизм русского населения; 2) отлаженный и четкий механизм централизованного контроля Кремля в советской орбите... 3) идеологическая привлекательность теоретического коммунизма; 4) доказанная способность советского режима мобилизовать природный русский патриотизм в поддержку советских военных усилий; 5) способность русского народа и правительства вести войну в условиях крайней дезорганизации, как случилось в первые годы Второй мировой войны»³³.

Атомные бомбы, заверяли генералы американских ВВС, сильнее. Вот по этому поводу — могут ли стратегические ВВС сломить волю русских к борьбе — и завязался спор в высшем командовании вооруженных сил, спор, проходивший на фоне завершения подготовки к атомным ударам. 21 декабря 1948 года главнокомандующий ВВС доложил комитету начальников штабов составленный во исполнение указанных директив оперативный план САК ЕВП I-49:

«2. Война начнется до 1 апреля 1949 г.

3. Атомные бомбы будут использоваться в масштабах, которые будут сочтены целесообразными...

- 32а. С учетом количества имеющихся атомных бомб, радиуса действия союзных бомбардировщиков, точности бомбометания, мощности бомбардировок первостепенными объектами для ударов с воздуха являются главные города Советского Союза. Уничтожение их настолько подорвет центры промышленности и управления СССР, что наступательная и оборонительная мощь Советских Вооруженных Сил резко снизится...
- в. Планы объектов и навигационные карты для операций против первых 70 городов будут розданы по частям к 1 февраля 1949 г. Имеющиеся навигационные карты в масштабе 1 : 1 000 000 достаточно точны, чтобы обеспечить полет к любому нужному пункту на территории СССР...
- л. Для первых атомных бомбардировок в целях планирования принимаются возможные потери в 25% от числа участвующих бомбардировщиков, что совсем не воспрепятствует использованию всего запаса атомных бомб. По мере воздействия атомного наступления на советскую ПВО потери бомбардировщиков снизятся...
33. Из всего изложенного следует вывод:
Мощное стратегическое воздушное наступление против ключевых элементов советского военного потенциала может быть проведено по плану»³⁴.
- Оптимизм генералов ВВС бил ключом, не зная никаких границ. Им не терпелось поднять в воздух стратегическую авиацию. Но они определенно не понимали следующего. Речь шла не о том, удастся или не удастся сжечь города (генералы на это отвечали утвердительно), а о том, какие моральные последствия это будет иметь для всего населения и достижения целей войны в целом. Командующим другими видами вооруженных сил и родов оружия, помимо стратегической авиации, претензии ее штабов представлялись малореальными. В начале 1949 года был создан специальный комитет из высших чинов армии, флота и авиации под председательством генерал-лейтенанта Х. Хармона, который попытался оценить политические последствия намеченного атомного наступления с воздуха на Советский Союз. 11 мая 1949 года комитет представил сверхсекретный доклад «Оценка воздействия на советские военные усилия стратегического воздушного наступления».
- «Проблема:
1. Оценить воздействие на военные усилия СССР стратегического воздушного наступления как предусмотренного в нынешних военных планах, включая оценку психологического воздействия атомных бомбардировок на волю Советов вести войну...
  3. План стратегического воздушного наступления... предусматривает две отдельные фазы:
    - а) первая фаза: серия налетов главным образом с применением атомных бомб на 70 городов (командование стратегической авиации ныне планирует выполнить это за 30 дней);
    - б) вторая фаза: продолжение воздушного наступления с применением как атомных, так и обычных бомб.
- Последствия для промышленности:
9. Материальный ущерб, гибель людей в промышленных районах, другие прямые и косвенные последствия первой фазы воздушного наступления приведут к снижению промышленного потенциала СССР на 30–40%. Оно не будет постоянным — либо будет компенсировано советскими восстановительными работами, либо усугубится в зависимости от мощи и эффективности последующих налетов...
Людские потери:
11. Первая фаза атомного наступления приведет к гибели 2 700 000 человек и в зависимости от эффективности советской системы пассивной обороны повлечет еще 4 000 000 жертв. Будет уничтожено большое количество жилищ, и жизнь для уцелевших из 28 000 000 человек будет весьма осложнена (то есть общее население городов, намеченных для атомных бомбардировок. — Н. Я.).
- Психологическое воздействие:
12. Атомное наступление само по себе не вызовет капитуляции, не уничтожит корней коммунизма и фатально не ослабит советское руководство народом.
  13. Для большинства советского народа атомные бомбардировки подтвердят правильность советской пропаганды против иностранных держав, вызовут гнев против Соединенных Штатов, объединят народ и приумножат его волю к борьбе. Среди меньшинства, размеры которого определить невозможно, атомные бомбардировки могут стимулировать диссидентство³⁵ и надежду на освобождение от угнетения. Если перед диссидентами не откроются куда более благоприятные возможности, эти элементы не окажут сколько-нибудь примечательного воздействия на советские военные усилия.
  14. В СССР возникнет психологический кризис, который может быть обращен на пользу союзников своевременным использованием вооруженных сил и методов психологической войны. Если мы быстро и эффективно не сделаем этого, шанс будет упущен, и последующая психологическая реакция Советов неблагоприятно скажется на достижении целей союзников.
- Воздействие на Советские Вооруженные Силы:
15. Возможности Советских Вооруженных Сил быстро продвинуться в избранные районы Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока не будут серьезно расстроены, однако впоследствии будут прогрессивно убывать».
- Далее перечисляются технические аспекты — нехватка горючего, транспортные затруднения и т. д.

«17. Атомные бомбардировки развяжут руки всем противникам применять оружие массового поражения и приведут к тому, что СССР прибегнет к максимальным мерам возмездия, какие окажутся в его распоряжении.

Общий вывод:

18. Атомные бомбардировки приведут к определенным психологическим реакциям и мерам возмездия, наносящим ущерб военным целям союзников, а их разрушительные последствия осложняют послевоенные проблемы. Однако атомное оружие — главный компонент военной мощи союзников в любой войне против СССР. Он является единственным средством быстро вызвать шок и нанести серьезный ущерб ключевым элементам советского военного потенциала. Атомные удары, нанесенные в начале войны, значительно облегчат использование других средств союзной военной мощи и снизят собственные потери. Полное использование этих преимуществ зависит от скорости проведения других военных операций и мер психологической войны. С точки зрения наших национальных интересов, преимущества немедленного применения в войне атомного оружия стоят превыше всего, должны быть употреблены все разумные усилия, дабы подготовить средства для быстрой и эффективной доставки максимального количества атомных бомб к намеченным целям»³⁶.

Генералам, во всяком случае в канун войны, подобает думать о победах, а не размышлять о поражениях, — отсюда налет оптимизма в докладе комитета Х. Хармона. Однако при зрелом размышлении со всей очевидностью проступает глубокая озабоченность по поводу сумасбродных замыслов нанести поражение Советскому Союзу главным образом, если не исключительно, атомными бомбардировками. Да, если даже они, как обещает командование ВВС, пройдут по плану и будет за первый месяц убито 6,7 миллиона советских граждан, моральный дух русских не будет подорван, а воля к борьбе только возрастет. Хармон с коллегами не заглядывали дальше первого месяца войны, и, надо думать, умышленно: они определенно страшлись того, что откроет атомный пролог. Политических проблем оружие, особенно только атомное, не разрешит. Ну конечно, они, как подобает военным, призвали к пополнению arsenалов, особенно средств доставки и т.д.

Расчеты и подсчеты комитета Х. Хармона (вероятно, были и другие такого же свойства) пока остановили атомщиков у роковой черты, но зловещий курс на войну с СССР не был оставлен. В апреле 1949 года сколачивается агрессивный Северо-Атлантический пакт. По периметру границ социалистического лагеря строились и вводились в действие все новые военные базы, США раскручивали маховик военной экономики. Высшие американские руководители, мышление которых во всевозрастающей степени милитаризовалось, полагали, что удастся создать подавляющее

военное превосходство над СССР, которое сведет до минимума значение описанных политических факторов. Простым путем — поголовным физическим истреблением. Командующий ВВС США в Европе генерал К. Лимей, собственно, так и представлял дело. Он с насмешкой отозвался тогда о составлении разных планов войны с СССР: незачем; США-де имеют средства просто «очистить от людей громадные пространства поверхности планеты, оставив только следы материальной деятельности человека»³⁷. Эти, типа Лимея, были уверены, что у них есть время. На Западе думали, что пройдет немало лет, пока СССР создаст атомное оружие. Но...

3 сентября 1949 года американский бомбардировщик Б-29, совершавший плановый патрульный полет в северной части Тихого океана, при очередном заборе пробы воздуха обнаружил повышенную радиоактивность. Лихорадочная проверка данных, и примерно через неделю сомнений не осталось: в Советском Союзе испытана атомная бомба. Комиссия по атомной энергии США, введшая примерно за год до этого «программу дальнего обнаружения» — круглосуточное дозиметрическое наблюдение за атмосферой, — торжествовала: не военные, особенно ВВС, а ученые оказались правы в оценке советской науки...³⁸ То был исторический подвиг советских ученых и инженеров, положивший конец американской монополии на атомное оружие. Наши материальные жертвы оказались не напрасными, страну огнь прикрывал и атомный щит.

25 сентября 1949 года ТАСС сообщил: «Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году. Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований. Следует сказать, что Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия».

Ответ Вашингтона: немедленное рассмотрение возможности развязать превентивную войну.

«Однако, — замечает американский исследователь А. Браун, — превентивная война не была развязана. Помимо всего прочего, Соединенные Штаты не могли выиграть такую войну в 1949—1950 гг. Стратегическая авиация не могла в то время нанести России один непоправимый удар»³⁹.

И в своей книге «Дропшот. Американский план атомной войны против СССР в 1957 г.» (1975) Браун подробно рассматривает причины этого. В конце 1949 года США имели 840 стратегических бомбардировщиков в строю, 1350 в резерве, свыше 300 атомных бомб. Только с баз на Британских островах можно было достичь Москвы, Ленинграда и других объектов в европейской части СССР. Для целей планирования датой начала войны было установлено 1 января 1950 года. С ее началом в течение трех месяцев предстояло сбросить примерно 300 атомных бомб и 20 тысяч тонн обычных бомб на объекты в 100 со-

ветских городах, для чего необходимо 6 тысяч самолето-вылетов. Все это именовалось планом «Тройан».

Комитет начальников штабов приказал группе генерал-лейтенанта Д. Хэлла проверить на штабных играх шансы выведения из строя девяти стратегических районов: Москва — Ленинград, Урал, объекты у Черного моря, Кавказ, Архангельск, Ташкент — Алма-Ата, Байкал, Владивосток. Вот как выглядели подсчеты, скажем, для действий против объектов в районе Черного моря 233 бомбардировщиков Б-29 и Б-50 (32 из них несли атомные бомбы, а остальные подавляли советскую ПВО и создавали помехи для работы локаторов). Предполагалось, что на объекты будут сброшены 24 атомные бомбы (три атомные бомбы будут потеряны в сбитых самолетах, две не сбросят, а еще три сбросят не на цели). Потери: 35 самолетов от действий истребителей, 2 — от огня зенитной артиллерии, 5 — по другим разным причинам, неустановленное число машин получит повреждения, не поддающиеся ремонту.

Проиграв воздушное наступление против СССР, группа Хэлла подвела итог: вероятность достижения целей 70 процентов, что повлечет потерю 55 процентов наличного состава бомбардировщиков. Но сумеют ли экипажи продолжать выполнение заданий при таких потерях? Во время Второй мировой войны самые тяжкие потери понесла группа из 97 бомбардировщиков, бомбившая в ночь с 30 на 31 марта 1944 года Нюрнберг. Не вернулось 20, или 20,6 процента, самолетов, участвовавших в налете. После этого среди летного состава на базах в Англии возникло брожение, граничившее с мятежом. А здесь потери в 55 процентов! По ряду технических причин воздушное наступление против СССР не могло быть проведено молниеносно, атомные бомбардировки Москвы и Ленинграда планировались только на девятый день открытия боевых действий. А самые оптимистические подсчеты указывали: базы на Британских островах, например, будут полностью выведены из строя действиями ВВС СССР теперь уже с применением атомного оружия максимум через два месяца. Это наверняка, а быть может, скорее, но когда? Вскрылось, что стратегическая авиация США, нанеся ужасающий урон городам СССР, выбывала из игры — она оказывалась без достаточного количества самолетов, баз, система обеспечения и обслуживания приходила в крайнее расстройство. А советские армии к этому времени уже вышли на берега Атлантического и Индийского океанов. Аксиомой американского планирования войны против СССР была утрата в первые месяцы Европы, Ближнего и Дальнего Востока.

Начальник оперативного управления штаба ВВС США генерал-майор С. Андерсон доложил 11 апреля 1950 года министру авиации США С. Саймингтону:

«ВВС США не могут: а) выполнить все воздушное наступление по плану «Тройан», б) обеспечить противовоздушную оборону территории США и Аляски»⁴⁰.

Вопрос о превентивной войне против Советского Союза в 1950 году ввиду ее военной невозможности был снят. Коль скоро выяснилось, что Соединенные Штаты не располагают достаточными силами, чтобы нанести поражение Советскому Союзу, агрессия была перенесена в плоскость подготовки коалиционной войны, на что требовалось время. Датой открытия боевых действий было принято 1 января 1957 года.

По указанию правительства комитет начальников штабов с 1949 года разработал план войны под кодовым названием «Дропшот», в интересах сохранения тайны название умышленно бессмысленное. Предполагалось, что совместно с США выступят все страны НАТО. Ирландия, Испания, Швейцария, Швеция, Египет, Сирия, Ливия, Ирак, Саудовская Аравия, Йемен, Израиль, Иран, Индия и Пакистан «постараются остаться нейтральными, но присоединятся к союзникам, если подвергнутся нападению или серьезной угрозе». Разумеется, многие страны, не входящие в НАТО, едва ли предполагали, что их уже вписали в план «Дропшот».

«Общая стратегическая концепция» плана выглядела следующим образом:

«Во взаимодействии с нашими союзниками навязать военные цели Советскому Союзу, уничтожив советскую волю и способность к сопротивлению путем стратегического наступления в Западной Евразии и стратегической обороной на Дальнем Востоке.

Первоначально: защитит западное полушарие; вести воздушное наступление; начать выборочное сдерживание советской мощи приблизительно в пределах зоны: Северный полюс — Гренландское море — Норвежское море — Северное море — Рейн — Альпы — о. Пиава — Адриатическое море — Крит — южная Турция — долина Тигра — Персидский залив — Гималаи — Юго-Восточная Азия — Южно-Китайское море — Восточно-Китайское море — Берингово море — Берингов пролив — Северный полюс; удерживать и обеспечить важнейшие стратегические районы, базы и коммуникационные линии; вести психологическую, экономическую и подпольную войну, одновременно подвергая беспощадному давлению советскую цитадель, используя все методы для максимального истощения советских военных ресурсов.

В последующий период: вести координированные наступательные операции всеми видами вооруженных сил»⁴¹.

В первый период войны планировалось сбросить на Советский Союз свыше 300 атомных и 250 тысяч тонн обычных бомб, уничтожив до 85 процентов советской промышленности. Были детально расписаны задачи по подавлению советской ПВО, против советских наземных, морских и воздушных сил. Во втором периоде продолжается наступление с воздуха и изготавливаются к действию наземные силы НАТО — 164 дивизии, из них 69 американских. Устанавливается контроль над морскими и океанскими коммуникациями и т.д. На третьем этапе с запада

переходят в наступление 114 дивизий НАТО, с юга (с высадкой на северо-западном побережье Черного моря) 50 дивизий, которые уничтожают Советские Вооруженные Силы в Центральной Европе. Эти действия и продолжающиеся массированные бомбардировки советских городов принуждают СССР и его союзников к капитуляции. В войне против СССР всего задействуются до 250 дивизий — 6 миллионов 250 тысяч человек. В авиации, флоте, противовоздушной обороне, частях усиления и пр. еще 8 миллионов человек. В общей сложности для выполнения плана «Дропшот» предусматривалось использовать вооруженные силы общей численностью в 20 миллионов человек⁴².

В последний, четвертый период буквально любовно выписанный в плане «Дропшот», — «дабы обеспечить выполнение наших национальных целей, союзники должны оккупировать» Советский Союз и другие социалистические страны Европы. Общие потребности оккупационных войск определялись в 38 дивизий, то есть примерно 1 миллион человек в наземных войсках. Из них 23 дивизии несут оккупационные функции на территории Советского Союза. Территория нашей страны делится на 4 «района ответственности», или оккупационные зоны: Западная часть СССР, Кавказ — Украина, Урал — Западная Сибирь — Туркестан, Восточная Сибирь — Забайкалье — Приморье. Зоны подразделялись на 22 «подрайона ответственности». Оккупационные войска распределялись по следующим городам: в Москве — две дивизии и по одной дивизии в Ленинграде, Минске, Мурманске, Горьком, Куйбышеве, Киеве, Харькове, Одессе, Севастополе, Ростове, Новороссийске, Батуми, Баку, Свердловске, Челябинске, Ташкенте, Омске, Новосибирске, Хабаровске, Владивостоке.

Из пяти воздушных армий, предназначенных для оккупации всех стран социализма, четыре дислоцировались на территории СССР. В каждую армию должны были входить пять—шесть боевых групп, одна группа транспортных самолетов и одна штурмовая группа. В Балтийское и Черное море вводилось по оперативному авианосному соединению. Особо подчеркивалось, что сильное насыщение оккупационных сил авиацией «должно дать зримое доказательство мощи союзников» советским людям. Памятуя о том, что оккупантам придется выполнять карательные функции, план «Дропшот» предусматривал дополнительное обеспечение войск транспортом всех видов для придания им высокой мобильности⁴³.

Как в предшествующих планах агрессии, так и в плане «Дропшот» война против Советского Союза и оккупация носили ярко выраженный классовый характер. Необходимость войны определялась

«серьезной угрозой безопасности США, которую... представляет характер советской системы...»

Никогда еще в истории намерение и стратегические цели агрессора не определялись так ясно. На протяжении веков победа в классовой борьбе пролета-

риата против буржуазии определяется как средство, при помощи которого коммунизм будет господствовать над миром»⁴⁴.

«Дропшот» был переломным в американском военном планировании в том отношении, что в отличие от прежних планов, имевших в виду агрессию чисто военными средствами, в этой войне против СССР обращалось внимание на использование классовых союзников по ту сторону фронта, то есть «диссидентов». Термин становится принятым в военных планах. Конечно, штабные планировщики не строили никаких иллюзий насчет силы «диссидентов» самих по себе:

«Будет труднее применять методы психологической войны к народу СССР, чем к народу Соединенных Штатов...»

Но психологическая война — чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране...

Широкая психологическая война — одна из важнейших задач Соединенных Штатов. Основная ее цель — уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов их нынешней системы правления и распространение среди народов СССР осознания, что свержение Политбюро в пределах реальности...

Эффективного сопротивления или восстаний можно ожидать только тогда, когда западные союзники смогут предоставить материальную помощь и руководство и заверить диссидентов, что освобождение близко...»⁴⁵.

Эти рассуждения, в сущности, являлись перифразом специальных американских исследований того времени о причинах провала похода гитлеровской Германии против нашей страны. Американские теоретики сочли, что Берлин в 1941–1945 годах упустил из виду политические аспекты, которые сформулировал еще К. Клаузевиц, а именно: «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, то есть оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров»⁴⁶. Теперь американские стратеги вознамерились исправить ошибки руководителей рейха.

И еще. Составители плана «Дропшот» внесли в него положения директивы СНБ-58, утвержденной Трумэном 14 сентября 1949 года: «Политика США в отношении советских сателлитов в Восточной Европе». Они размышляли о том, что националистические отклонения-де «серьезно ослабят советский блок. Такую слабость Соединенные Штаты должны использовать... двинув как острие клина для подрыва авторитета СССР создание группы антимосковских коммунистических государств»⁴⁷. Как же это может случиться? Военные, авторы плана «Дропшот», не брались отвечать. Но в директиве СНБ-58, опубликованной даже в 1978 году с большими купюрами, утверждалось:

«Наша конечная цель, конечно, — появление в Восточной Европе нетоталитарных правительств, стремящихся связаться и устроиться в сообществе свободного мира. Однако серьезнейшие тактические соображения препятствуют выдвигению этой цели как непосредственной... Для нас практически осуществимый курс — содействовать еретическому процессу отделения сателлитов. Как бы они ни представлялись слабыми, уже существуют предпосылки для еретического раскола. Мы можем способствовать расширению этих трещин, не беря на себя за это никакой ответственности. А когда произойдет разрыв, мы прямо не будем впутаны в вызов советскому престижу, ссора будет происходить между Кремлем и коммунистической реформацией».

При проведении этой политики, особо подчеркивалось в директиве СНБ-58, США надлежит всячески замечать следы:

«Мы должны вести наступление не только открытыми, но и тайными операциями... Курс на подстрекательство к расколу внутри коммунистического мира следует вести сдержанно, ибо этот курс всего-навсего тактическая необходимость и нельзя никак упускать из виду, что он не должен заслонить нашу конечную цель — создание нетоталитарной системы в Восточной Европе. Задача состоит в том, чтобы облегчить рост еретического коммунизма, не нанеся в то же время серьезного ущерба нашим шансам заменить этот промежуточный тоталитаризм терпимыми режимами, входящими в западный мир. Мы должны всемерно увеличивать всю возможную помощь и поддержку прозападным лидерам и группам в этих странах»⁴⁸.

Но... всегда держать язык за зубами, постоянно поучал Дж. Кеннан за закрытыми дверями правительственных ведомств Вашингтона. «Нам нет нужды делать щедрые подарки советской пропаганде, беря на себя ответственность за процесс раскола в коммунистических странах, — говорил в то время Дж. Кеннан в закрытой лекции в Пентагоне»⁴⁹.

В общей стратегической концепции плана «Дропшот» психологическая война занимала следующее место:

«А н а л и з: Начало или усиление психологической, экономической и подпольной войны, направленной как на дружественные, так и на вражеские группы или страны, сильно увеличит шансы на быстрое и успешное завершение войны, ибо поможет преодолеть волю врага в борьбе, поддержит моральный дух дружественных групп на вражеской территории, поднимет мораль дружественных стран и повлияет на отношение нейтральных стран в отношении союзников.

Этот тип войны может применяться и в мирное время как против СССР, так и дружественных стран, но она должна быть решительно усилена с началом боевых действий с максимальным использованием психологических последствий воздушного наступления. Она потребует участия всех видов

вооруженных сил для оказания помощи другим ведомствам в ее проведении...

З а д а ч а: добиться интеграции психологической, экономической и подпольной войны и военных операций»⁵⁰.

В заключение в плане «Дропшот» бросается взор в будущее — после разгрома СССР и его союзников в Европе наступал черед Дальнего Востока, где на протяжении войны против Советского Союза США находились в стратегической обороне. Итак:

«Мы исходим из того, что коммунистический Китай и другие районы Юго-Восточной Азии, контролируемые местными коммунистами, в отличие от Кореи и европейских сателлитов не окажутся под полным господством СССР и в случае его быстрой капитуляции необязательно также капитулируют. Следовательно, введение союзных оккупационных войск в эти районы до капитуляции СССР может оказаться как неосуществимым, так и нежелательным, поскольку для подавления противодействия потребуется вести настоящую войну. Следовательно, решение о надлежащих действиях в этих районах будет принято с учетом обстановки, которая сложится после капитуляции СССР. Следует иметь в виду, что достижение национальных целей Соединенных Штатов потребует мощного наступления на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии после капитуляции Советского Союза»⁵¹.

Если принять в соображение, что по замыслу плана «Дропшот» на стороне США по доброй воле или под нажимом должны были выступить не только страны НАТО, но ряд государств Азии и Ближнего Востока, а Латинской Америке и Африке отводилась роль резерва и источников сырья, то упомянутые операции на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии подводят итог: Вашингтон вознамерился вооруженной рукой стереть социализм с лица всей земли. Это означало одновременно достижение заветной цели американской олигархии — установление мирового господства Соединенных Штатов. Если нужны официальные доказательства, исходящие от правящей элиты США, то вот они — план «Дропшот»!

Тогда почему стал возможным доступ к нему исследователей? А. Браун, опубликовавший в 1978 году этот план в книге с надлежащими комментариями, замечает:

«План „Дропшот“, американский план мировой войны против Советского Союза, был подготовлен комитетом в рамках комитета начальников штабов в 1949 г. по указанию и с ведома президента Гарри С. Трумэна... Военная география не изменяется. А обычное вооружение меняется только по степени своей разрушительной силы. Поля сражений 1949–1957 гг. могут прекрасно стать полями сражений будущей войны.

Эти очевидные соображения ведут к постановке важнейшего вопроса: разве не глупость предавать гласности план „Дропшот“? Я много размышлял над этим и вынужден заключить: да, предание гласности

этого документа — глупость. Его нужно было сжечь, закопать или хранить в самом тайном сейфе, ибо он отнюдь не придает Америке привлекательности в глазах России. „Дропшот“ был не только планом атомизации России, но предусматривал оккупацию громадной страны американскими войсками и уничтожение корней большевизма. Несомненно, в наше критическое время, когда „холодная война“ прекратилась, пусть временно, а политическая и идеологическая война бушует с неослабевающей силой, русские укажут: „Дропшот“ — пример продолжающейся враждебности Америки к России, и поэтому Россия должна иметь и расширять вооруженные силы.

Тогда почему стала возможной публикация плана „Дропшот“? Нет законов, требующих от комитета начальников штабов его рассекречивания... Документ с сопутствующими ему материалами в совокупности показывает: 1) Соединенные Штаты вполне могли проиграть третью мировую войну; 2) Россия, вероятно, смогла бы занять Западную Европу за 20 дней; 3) командование ВВС США считало, что Россия сумеет вывести из строя за 60 дней тогдашнего главного американского союзника Англию с ее базами, имевшими первостепенное значение для нанесения атомных ударов; 4) русские атомные бомбардировки и коммунистическая партизанская война в США значительно подорвали бы способность и волю Америки к продолжению войны; 5) Америка не смогла бы защитить свои собственные города; 6) США потребовалось бы два года, чтобы ее промышленность и вооруженные силы достигли бы такого уровня, который позволил бы американское военное возвращение в Европу и 7) США намеревались оккупировать Россию, идя на риск не утихающей там партизанской войны...

Я лично считаю, что комитет начальников штабов, рассекретив „Дропшот“, не руководствовался решительно никакими мотивами. Дело очень просто — план считается устаревшим, с теперешними видами вооружения мы стоим на пороге Судного Дня, и поэтому он не имеет решительно никакого значения»⁵².

Какая-то часть правды в рассуждениях А. Брауна есть, но только часть, и причем небольшая. Мотивы предания огласке этого плана и иных сходных документов, конечно, не поддаются однозначному истолкованию. Что до «устарелости», то в отношении преступных замыслов, вроде тех, что воплощены в раскладках плана «Дропшот», здравый смысл возмутится при одной мысли, что к ним может быть применен срок давности. Можно уверенно утверждать, что публикация — своего рода оправдание: задним числом приводятся веские доказательства — Вашингтон никогда не был «мягок» к коммунизму, а это драгоценный тезис кликуш-милитаристов в США, проливающих слезы по поводу того, что США тогда не нанесли атомного удара по Советскому Союзу. Успех-де был гарантирован. Не кто другой, как генерал К. Лимей, вознесенный в президентство Дж. Кеннеди

на пост главнокомандующего ВВС США, в 1968 году выпустил книгу «Америка в опасности», в которой, имея в виду рубеж сороковых и пятидесятых годов, все еще настаивал: «Мы могли бы стереть Россию с лица земли, не поцарапав при этом локтей»⁵³. Доступный ныне для обозрения план «Дропшот» начисто девальвирует генеральскую мудрость.

Но все же те, кто разрешил пустить в научный и публицистический обиход описанные документы, больше думают о будущем, а не о прошлом. Американцам внятно рассказано и наглядно показано, какие губительные последствия повлекла бы за собой большая война с СССР даже в то время, когда не было создано термоядерное оружие, а межконтинентальные ракеты еще не стартовали с чертежных столов. Подспудно и даже иной раз прямо указывается: при существующем соотношении сил между СССР и США вооруженная схватка губительна и для Соединенных Штатов. Десятилетия гонки вооружений, унесшие из карманов американских налогоплательщиков фантастические суммы, не дали Вашингтону искомого преимущества в военной области. Равновесие в силах между капитализмом и социализмом, завоеванное советским народом в 1941–1945 годах, опрокинуть не удалось. Этим мы обязаны солдатам Великой Отечественной войны, героям смертельной борьбы против держав фашистской «оси», тем, кто показал, на что способен народ, отстаивающий свою власть.

Тут мы подходим к главному — указания на опасность военного пути в отношении Советского Союза приводятся как доказательство высшей разумности попыток нанести нам поражение иными методами, то есть не переступая порога термоядерного Армагеддона. Коротко говоря, подрывной работой в самом широком смысле. Военные были засажены за то, что им велят надлежит свой «Дропшот», а высшее американское государственное руководство приступило к рассмотрению всей стратегии США в отношении СССР с учетом того, что мы располагаем атомным оружием и впереди термоядерная эра. В 1950 году Совет национальной безопасности разрабатывает директиву СНБ-68, призванную сменить директиву СНБ 20/4.

***

Сменить... Пожалуй, громко сказано. Речь шла не больше чем о перестановке акцентов. В новом, очень пространным документе, почти в два раза превышавшем по объему директиву СНБ 20/1, описанные цели политики США полностью подтверждались. Составители проекта — тот же совет планирования политики государственного департамента, который теперь вместо Дж. Кеннана вел П. Нитце, — обильно цитировали директиву 20/4, но внесли в документ дух тревоги, если не паники. Они писали: «Советская угроза безопасности США резко возросла. Она носит тот же характер, что указан в СНБ 20/4 (утвержденной президентом 24 ноября 1948 г.), однако куда ближе, чем считали раньше. Республика и ее граждане

в зените мощи подвергаются самой страшной опасности. Речь идет о гибели не только республики, но и всей цивилизации».

Директива СНБ-68 открывалась широким обзором коренных изменений, поразивших мир в предшествовавшие 35 лет, — ушли в небытие пять империй: Оттоманская, Австро-Венгерская, Германская, Итальянская и Японская. За жизнь одного только поколения соотношение сил в мире приобрело совершенно новые очертания. Остались лишь две сверхдержавы — «США и СССР, оказавшиеся центрами, во всевозрастающей степени сосредоточивающими вокруг себя мощь». Хотя не очень четко, подтверждалось равновесие в военных силах между США и СССР, то есть вывод комитета начальников штабов, восходивший к 1943–1944 годам.

Ну конечно, это признавалось нетерпимым. Шли подробные выкладки соответствующих экономических потенциалов США и СССР и констатировалось, что Соединенные Штаты обязаны в несколько раз увеличить военные расходы. Что, как известно, и было сделано вслед за принятием директивы СНБ-68. На закате президентства Трумэна ежегодные военные расходы США перевалили за 50 миллиардов долларов, более чем в три раза превысив ассигнования конца сороковых годов. Есть ли потолок увеличению военных расходов в широком смысле? В директиве СНБ-68 определялось: «В случае чрезвычайного положения Соединенные Штаты могут уделять до 50% своего валового национального продукта на эти цели, как было во время прошлой войны». Валовой национальный продукт США в 1949 году равнялся 225 миллиардам долларов. За этими рассуждениями просматривалось то, что становится заботой Вашингтона: взвинчивая расходы на военные цели, вовлечь Советский Союз в гонку вооружений и, не доводя пока дела до войны, разорить его.

Советский Союз давал все новые и новые доказательства своей приверженности делу мира. Те, кто раздувал военную истерию, не могли не знать, что и после создания атомного оружия Москва с новой силой подтвердила свою позицию: атомная бомба должна быть запрещена. Как быть? В директиве СНБ-68 констатировалось: «Нам предлагают заявить, что мы не используем атомного оружия, за исключением возмездия на первое применение этого оружия агрессором... Если мы не собираемся отказаться от наших целей, мы не можем искренне выступить с таким заявлением, пока не убедимся, что достигнем наших целей без войны или, в случае войны, не применяя атомное оружие в стратегических и тактических целях». Решительно никакого просвета. Атомные маньяки стояли на своем, а посему преимущества нападения на Советский Союз подробно и тщательно изучались и взвешивались.

Но вот беда: «Способность Соединенных Штатов вести эффективные наступательные операции ныне ограничивается атомным ударом. Можно на-

нести его Советскому Союзу, однако по всем оценкам одни эти операции не побудят Кремль к капитуляции, и Кремль сможет использовать имеющиеся у него силы, чтобы поставить под свое господство большую часть Евразии. Правда, вот проблеск надежды: «Если США создадут термоядерное оружие раньше Советского Союза, то США смогут на определенное время оказывать возрастающее давление на СССР». Но опять проблема: «Если начнется война, то какова в ней роль силы? Если мы не используем ее так, чтобы показать русским людям, что наши усилия направлены против режима и его агрессивной мощи, а не против их интересов, мы объединим режим и народ в борьбе до последней капли крови». Определенно ни атомная, ни тем более термоядерная бомба не могли провести столь тонкого различия, не говоря уже о главном — война против СССР, как мы видим, не сулила победы Соединенным Штатам.

Директива СНБ-68 указывала путь из описанного тупика: с одной стороны, резко увеличить военные приготовления США и их союзников, с другой —

«в целом сеять семена разрушения внутри советской системы, с тем чтобы заставить Кремль по крайней мере изменить его политику... Но без превосходящей наличной и легко мобилизуемой военной мощи политика «сдерживания», которая по своему существу политика рассчитанного и постепенного принуждения, не больше чем блеф».

Следовательно:

«Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов и разрушить иные замыслы Кремля. Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах».

Конечные цели этого образа действия по директиве СНБ-68:

«Цели свободного общества определяются его основными ценностями и необходимостью поддерживать материальное окружение, в котором они процветают...»

- 1. Мы должны быть сильными в утверждении наших ценностей в нашей национальной жизни и в развитии нашей военной и экономической мощи.*
- 2. Мы должны руководить строительством успешно функционирующей политической и экономической системы свободного мира...*
- 3. Но, помимо утверждения наших ценностей, наша политика и действия должны быть таковы, чтобы вызвать коренные изменения в характере советской системы, срыв замыслов Кремля — первый и важнейший шаг к этим изменениям. Совершенно очевидно, что обойдется дешевле, но более эффективно, если эти изменения явятся в максимальной степени результатом действия внутренних сил советского общества...*

Победу наверняка обеспечит срыв замыслов Кремля постепенным увеличением моральной и материальной силы свободного мира и перенесением ее в советский мир таким образом, чтобы осуществить внутренние изменения советской системы»⁵⁴.

7 апреля 1950 года директива СНБ-68 была представлена президенту Трумэну. Она немедленно начала претворяться в жизнь. Официальное утверждение директивы Трумэна последовало 30 сентября 1950 года. СНБ-68 до точки послужила основой американской политики в отношении СССР на многие годы, а в своих важнейших аспектах действует по сей день.

Политическое мышление в Вашингтоне в отношении Советского Союза вращалось в той или иной мере в круге очерченных идей. Случались и курьезы: в 1952 году сенатор Г. Хэмфри, тогда новичок в сенате и, вероятно, не посвященный в высшие государственные тайны, обратился с письмом к Трумэну, подняв вопрос, который, писал сенатор 11 июля 1952 года президенту, «теснейшим образом связан с Вашими самыми коренными интересами... Простите меня, но я вторгаюсь в эти дела, руководствуясь соображениями величайшей государственной значимости». За льстивым вступлением Хэмфри высказался о том, что тревожило сенатора, — как лучше организовать оккупацию Советского Союза. Указав, что война с СССР «возможна», он просил президента:

«Я уверен, что я не выхожу за рамки вероятных событий, предлагая, чтобы наши военные активнейшим образом разобрали несколько альтернатив, которые встанут перед нами в конечном итоге после войны и победы. Это по необходимости приведет к заключению, что мы должны оценить значение наших усилий в Германии и Японии по завершении военных действий. Полагаю, г-н президент, что Вы с Вашим острым интересом к истории особо заинтересуетесь историческим обзором нашей оккупационной политики в этих странах. Для историка культуры, на мой взгляд, нет ничего более интересного, чем тщательный и объективный анализ наших новейших основных усилий оказать решительное воздействие на культуру другого народа прямым вмешательством в процессы, через которые проявляется эта культура»⁵⁵.

Документ этот, хранящийся в архиве Г. Трумэна, вероятно, послужил прекрасным аттестатом молодому сенатору в глазах высших американских руководителей. Какие меры были приняты по письму озабоченного Хэмфри, сказать невозможно. Но можно высказать предположение: высокие чины наверняка поздравили друг друга с отличной охраной государственных тайн в США. Сенатор пекся о вмешательстве в «культуру», каковое уже было, как мы видели, определено в секретных военных планах, — сначала атомные бомбы, а затем оккупация Советского Союза. В планах ее «культура» не упоминалась, а заботились о физическом истреблении русских.

***

Вот эта линия — безусловного физического поголовного истребления русских — проходит красной нитью через штабное планирование ядерной агрессии — со времен Г. Трумэна по сей день. «О боже, если бы только русские слышали, что несут некоторые наши генералы ВВС!» — воскликнул как-то ответственный работник американских спецслужб Д. Ванслик. Русские знают. Уже по той причине, что время от времени просачивается сказанное и сформулированное за закрытыми дверями. Просачивается потому, например, как сказал начальник разведки ВВС США генерал Ч. Кабел тому же Ванслику: «Иначе мы не получим ассигнований в конгрессе»⁵⁶. О чем речь?

В начале 1982 года военный историк Д. Розенберг рассмотрел два рассекреченных документа периода 1954–1955 годов. Возможно, они имели отношение к тем аспектам военного планирования, которое развивало положения плана «Дропшот». В этих документах намечалось нанести СССР внезапный удар — сбросить 750 атомных бомб за два часа, чтобы избежать излишних потерь ВВС США. «Два часа — и останется груда радиоактивных развалин». В докладной генерала К. Андерсона перечислялись объекты — 118 городов и 645 аэродромов⁵⁷. По этим вопросам у планировщиков разногласий не было, вот только один вопрос остался открытым — как США избегнут ответного удара?

Выведа за скобки эту проблему (камень преткновения для агрессоров по сей день!), посмотрим, как эволюционирует выбор целей американскими стратегами на территории СССР. Профессор Г. Гертнер из Калифорнийского университета в середине 1981 года обратил внимание:

«Во Второй мировой войне многие окраинные республики хорошо выполнили функцию буфера, приняв на себя первоначальный ущерб, который нес вермахт. В ядерной войне случится противоположное. Немедленные и концентрированные разрушения будут нанесены центральному району Великороссии».

За этим общим положением последовали длительные рассуждения касательно новой американской доктрины выбора целей для ракетно-ядерных ударов. Как именно уничтожать промышленные и административные центры, приоритеты при выборе стратегических объектов и многое другое все в том же плане. Профессор заверяет, что ныне предусматривается поразить решительно все, ибо учитываются все факторы.

Например:

«Есть важные соображения с точки зрения климата. Ветры понесут продукты радиации на самые густонаселенные районы России. С ноября по март ветры преимущественно дуют с юга и запада в их направлении, а с апреля по октябрь с севера и запада также к этим центрам. Это увеличивает опасность сильного радиоактивного заражения, ибо направления ветров локализируют его. Коротко говоря, направле-

ния ветров на протяжении всего года гарантируют, что первоначальная радиация (особенно смертоносная) покрывает наиболее густозаселенные районы».

Красноречивый автор проиллюстрировал сказанное на двух картах, помещенных в его статье, — стрелки направления ветров и прочее. Донес, так сказать, графически до сознания заинтересованных читателей будущее, которое готовят нашему народу заокеанские стратеги⁵⁸.

К величайшему прискорбию, нужно констатировать — приведенные суждения не плод профессорского праздномыслия в солнечной Калифорнии, где, помимо прочего, находится корпорация «Рэнд», обслуживавшая теоретическими идеями ВВС США. Нет ни малейших сомнений в том, что все это — логическое развитие стратегической доктрины Вашингтона. Не кто другой, как генерал М. Тейлор (имя которого не сходило с первых страниц газет в президентства Эйзенхауэра и Кеннеди), подтвердил — нужно сжечь в ядерном огне именно эти районы.

***

Предание гласности директивы СНБ-68 в 1975 г.⁵⁹, несомненно, преследовало цель перекинуть прочный мост между прошлым и будущим, показать замечательную преемственность и последовательность американской внешней политики. Действительно, зыбучие пески времени не поглотили положений директивы СНБ-68, и правящая олигархия Запада все еще живет на проценты интеллектуального капитала, собранного Советом национальной безопасности США что-то около тридцати лет назад, и еще далека от того, чтобы прожить его.

Это достаточно показали события на международной арене за три десятка лет, а в области политической мысли — одно из тягчайших доказательств соображения специальной трехсторонней исследовательской группы, представленные «трехсторонней комиссией», обсужденные ею и опубликованные в 1978 году в виде доклада «Капитальное рассмотрение отношений между Западом и Востоком».

«Отношения между Западом и Востоком — общепринятый термин для обозначения отношений между промышленно развитыми демократиями с одной стороны и главными коммунистическими державами с их союзниками — с другой. Памятуя о том, что по отношению к Европе и Атлантическому побережью США коммунистические державы лежат на востоке, а по отношению к Японии и Тихоокеанскому побережью США — на западе, мы будем для краткости пользоваться этим термином. Так вот, мы можем заявить, что в последние 30 лет отношения между Западом и Востоком характеризовались долговременным конфликтом, в который вкрапливались элементы сотрудничества... Несмотря на появление новых возможных проблем... конфликт между Западом и Востоком, по нашему мнению, сохраняет свое ведущее значение по сей день»⁶⁰.

Кто эти «мы», выражающиеся безапелляционно и уверенно, трактующие о предметах не меньше чем в глобальных масштабах? Что такое «трехсторонняя комиссия»? О ней известно относительно немного. Журнал «Пентхауз» в декабре 1977 года писал, конечно, с определенным оттенком сенсационности:

«В 1972 г. Дэвид Рокфеллер решил стать фактическим правителем некоммунистического мира. Его орудие для этого — трехсторонняя комиссия... В 1973 г. Дэвид Рокфеллер попросил Збигнева Бжезинского создать трехстороннюю комиссию, закрытый клуб мультимиллионеров и их советников, для правления миром»⁶¹.

Ее участники буквально щеголяют своим прагматизмом, который в их устах означает: в современном мире усилия «частных» лиц иной раз могут дать больше, чем правительства, пораженные бюрократическим склерозом. «Трехсторонняя комиссия», созданная в 1973 г., объединяет руководителей крупнейших монополий США, Западной Европы и Японии. Насколько известно, на секретных заседаниях они разрабатывают единую политику, начав с попыток разрешения главных экономических и валютных проблем капиталистического мира. Конечная цель, если верить словам Бжезинского, учреждение «общества развитых держав» — США, Западной Европы и Японии. С 1973 года под эгидой комиссии выходят доклады специальных исследовательских трехсторонних групп. Для «капитального рассмотрения отношений между Западом и Востоком» очередь пришла к 1978 году. Это 15-й по счету доклад. Хотя он, преданный гласности, писан иначе, чем злоеющие рекомендации директивы СНБ-68, в которой выражались с откровенностью, приличествующей строго секретному документу, дух этой директивы витает над рассуждениями тех, кто разъясняет кредо «трехсторонней комиссии». В самом деле:

«Стабильный мировой порядок, о котором часто говорят на Западе, нереалистичная цель... Большие того, иллюзия стабильности ущербна, ибо склоняет Запад к обороне... Наша основная цель в долговременных отношениях с коммунистическими державами: Запад не должен довольствоваться защитой своих основных ценностей и стремиться воплотить их в жизнь только на своей территории. Запад должен поставить своей целью оказывать влияние на естественные процессы изменений, происходящие в «третьем мире» и даже в коммунистическом мире, в направлении благоприятном, но не неблагоприятном для их ценностей...»

Говоря о мирных изменениях в направлении наших ценностей, мы должны скорее стремиться к изменениям внутри этих режимов, оказывая влияние на выбор альтернатив, которые возможны и необходимы в рамках их существующего строя... Запад не может оказывать эффективное влияние простой пропагандой их преимуществ или увеличивая требования к советским лидерам... Мы должны сформулировать

перед партнером альтернативы так, чтобы тот или иной курс во внутренних делах для него представлялся более выгодным».

За обтекаемыми парламентскими формулировками кроется очевидное намерение во всевозрастающей степени вклиниваться в дела Советского Союза в интересах подрыва социалистического строя и утверждения взамен пресловутых «ценностей» капитализма. Одновременно идет поиск союзников внутри Советской страны, каковыми, как всегда, признаются те, кого советские люди считают жалкими отщепенцами. «Политическая деятельность „диссидентов“, принадлежащих к „демократическому движению“, оказывает давление», — констатируется в докладе. То самое искомое давление «изнутри». Вот только что огорчительно:

«Эти группы малы... и не пользуются массовым влиянием». Значимость их в глазах Запада в том, что они отстаивают те самые «ценности» капитализма, то есть находятся на передовой линии фронта против социализма. Ведут бескомпромиссную борьбу, ибо выделяется в докладе:

«отношение к правам человека — одно из коренных различий между ценностями коммунистических и западных правительств. По своему характеру это различие едва ли может быть преодолено в рамках мирного сосуществования между различными системами».

Если так, тогда вот и признание из авторитетнейшего источника — кампания Запада о «правах человека» рассчитанно наглая провокация! Но вернемся к докладу.

«Западные правительства... могут и должны настаивать на том, чтобы восточные режимы смирились с информацией о нарушениях ими прав человека, распространяемой западными средствами массовой коммуникации, включая специальные передачи для Востока, это и есть „идеологическая борьба...“. Западные правительства... поступят мудро, избегая создавать впечатление, что предпринимаются открытые правительственные попытки произвести изменения „силой“ во внутренней политике восточных стран. Большая часть позитивных или негативных последствий в этих делах зависит от стиля и методов»⁶².

Об этом «стиле и методах» достаточно понаслышались.

***

Уникальным держателем арсенала «стиля и методов», конечно, не связанных с «открытыми правительственными попытками» подрывать государственный и общественный строй других государств, является Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов.

¹ J. Gaddis, Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive history, N. Y., 1978, pp. 154–155.

² «Известия», 1946, 29 октября.

³ «Известия», 1947, 24 января.

⁴ ЮНРРА — Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций была создана в 1943 году для целей, вытекающих из ее названия. Совет ЮНРРА постановил, что государства, ее члены, территория которых не была оккупирована, делают взнос в ее фонд в размере двух процентов от национального дохода страны в 1943 году. Другие участники организации призывались делать посильные взносы. На деле представители США в ЮНРРА использовали помощь в попытках добиться угодных Вашингтону целей. Организация распущена в 1947 году.

⁵ G. Kennan, Memoirs 1925–1950, Boston 1967, pp. 266–267.

⁶ J. Gaddis, The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947, N. Y., 1972, pp. 259–260.

⁷ G. Kennan. Op. cit., p. 277.

⁸ D. Yergin. Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security state, Boston 1977, pp. 96–98.

⁹ F. R.: 1945, v. 3, p. 1228.

¹⁰ «Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with respect to Intelligence Activities». U.S. Senate. Book I, Washington 1976, pp. 19–20.

¹¹ То, что сошло для сенаторов, вероятно, оказалось слишком для американского издательства «Ридерз дайджест пресс». В отличие от седовласых законодателей, принявших вздор Розикого как должное, ибо он соответствует стереотипам их мышления, редакторы дрогнули.

В выпущенной в 1977 году, через два года после памятных показаний Розикого в комиссии сената его книге «Тайные операции ЦРУ» тот эпизод был начисто лишен колоритных деталей, приемлемых на Капитолийском холме: «Тогда никто не знал, что русские делают в Берлине, и трое из нас, один говоривший на русском румын, вызвались проникнуть в русскую зону и посмотреть. Напряженно и с опаской мы потратили пять часов, чтобы перебраться через границу зоны, и провели шесть часов в Берлине. Зрительные впечатления запечатлелись у меня по сей день. Толпы немецких мальчишек и стариков, которых гнали по берлинской кольцевой дороге на восток», и т.д. «Лапти» и прочее исчезли, надо думать, под редакторским карандашом, да и «36 часов» пребывания в советской зоне. Но дух остался: «Россия идет на запад, пронеслось у меня в уме, Европа больше не будет прежней!» (Введение к указанной книге, с. XXV–XXVI.)

¹² «The Patton Papers», Ed. by M. Blumenson, Boston 1974, pp. 721. 731–734.

¹³ M. Sherry, Preparing for the Next War. American Plans for postwar defense, 1941–45, Yale University Press, 1977, p. 57.

¹⁴ M. Matloff, Strategic Planning for Coalition Warfare 1943–1944, Washington 1959, pp. 523–524.

¹⁵ J. Burns. Roosevelt: the Soldier of Freedom, N. Y., 1970, p. 459.

¹⁶ M. Sherry, Op. cit., pp. 201 205, 212–213.

- ¹⁷ Ibid., pp. 214–210.
- ¹⁸ F. R.: 1946, v. 1, pp. 1160–1165, 1125–28.
- ¹⁹ W. Manchester, *The Glory and the Dream*, N. Y., 1978, pp. 375–376.
- ²⁰ Цит. по: «Новое время», 1980, № 8, с. 28, 29.
- ²¹ F. R., 1946, v. 6, p. 705.
- ²² «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945–1950», Ed. by T. Etzold and J. Gaddis. N. Y., 1978, pp. 66–68.
- ²³ F. R.,: 1946, v. 6, pp. 709, 699.
- ²⁴ F. R.: 1947, v. 1, pp. 772, 776–777.
- ²⁵ F. R.: 1948, v. 1, pt2, p. 580.
- ²⁶ «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945–1950», pp. 174, 176, 180–181, 190, 189, 196, 197, 201–203.
- ²⁷ Toland, *Adolf Hitler*, N. Y. 1981, p. 702.
- ²⁸ «Drop Shot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957», Ed. by A. Brown, N. Y., 1978, p. 36.
- ²⁹ F. R.: 1948, v. 1. pt. 2, pp. 666, 665.
- ³⁰ «Drop Shot...», p. 6.
- ³¹ «Containment. Documents...», p. 323.
- ³² «Drop Shot...», p. 9–10.
- ³³ Ibid., p. 7.
- ³⁴ «Containment. Documents...», pp. 357–360.
- ³⁵ В американских документах понятие «диссидент» впервые появляется в этой связи.
- ³⁶ Ibid., pp. 361–364.
- ³⁷ «Drop Shot...», p. 5.
- ³⁸ R. Hewlett and F. Dunean, *Atomic Shield: 1947–52*, Pennsylvania State University Press, 1969, pp. 362–369.
- ³⁹ «Drop Shot...», p. 20.
- ⁴⁰ Ibid., p. 28.
- ⁴¹ Ibid., p. 47.
- ⁴² Ibid., p. 241.
- ⁴³ Ibid., pp. 243–245.
- ⁴⁴ Ibid., pp. 42, 73.
- ⁴⁵ Ibid., pp. 60, 74–75, 62.
- ⁴⁶ К. Клаузевиц. О войне. М., 1941, т. 2, с. 365.
- ⁴⁷ «Drop Shot...», p. 20.
- ⁴⁸ «Containment. Documents...», pp. 212, 222.
- ⁴⁹ J. Gaddis, *Strategies of Containment*, N. Y., 1982, p. 47.
- ⁵⁰ «Drop Shot...», pp. 76, 75, 41.
- ⁵¹ Ibid., pp. 243–244.
- ⁵² Ibid., p. 1–2.
- ⁵³ L. Chester, G. Hodgson, B. Page. *The American Melodrama*. N. Y., 1969, p. 778.
- ⁵⁴ F. R., 1950, v. 1, pp. 237–292.
- ⁵⁵ Harry S. Truman Library, *President's Secretary's File*.
- ⁵⁶ T. Powers, *The Man who Kept the Secrets. Richard Helms and the CIA*, N. Y., 1981, p. 404.
- ⁵⁷ D. Rosenberg, A. Smoking Radiating Ruin at the End of Two Hours, «*International Security*», Winter 1981/82, pp. 34–39.
- ⁵⁸ Gertner, Strategic Vulnerability of a Multinational State, «*Political Science Quarterly*, Summer 1981, pp. 211–219.
- ⁵⁹ «*The Washington Post*», January 14, 1982.
- ⁶⁰ «*Naval War College Review*». May–June 1975, pp. 51–108.
- ⁶¹ «An Overreview of East — West Relations, Report of the Trilateral Task Force on East — West Relations to the Trilateral Commission», 1978, p. 1.
- ⁶² «*Penthouse*», December 1977, pp. 160, 89, 166.
- ⁶³ «An Overreview of East — West Relations...», pp. 46–47, 9–10, 52–54.